

ЕЛЕНА
РАДЕЦКАЯ

ОДИНОКИЙ
ПАСТУХ

Издательство
«Геликон Плюс»

Елена Радецкая

Одинокий пастух

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=46506072
Одинокий пастух: Геликон плюс; Санкт-Петербург; 2019
ISBN 978-5-00098-224-2

Аннотация

В главной героине романа собрались все особенности ранней юности: бунтарство и романтизм, наивность и эгоизм, ранимость и неуверенность, непреодолимая жажда любви и счастья. Вместе с ней мы пройдем дорогой ее жизни: от первой любви и замужества до рождения и воспитания ребенка. Ей предстоят тяжелые жизненные испытания, а горячо любимый муж занят научной работой, сын рождается «особенным», и время его не излечит. Все живут в своем обособленном мире. Опереться не на кого. Героине предстоит узнать, что мечты и реальность не совпадают, научиться принимать решения, новыми глазами увидеть окружающих людей и прежде всего – собственную мать. Героиню мы встретили на пороге совершеннолетия, а оставляем на пороге взрослой жизни с пониманием своей ответственности за все происходящее и с надеждой.

Содержание

Улыбнись встречному!	6
Мама	14
Краткое введение в инковедение	32
Откуда они взялись и как нашли землю обетованную	38
Новый год	41
Мопассан и Винни-Пух	51
Преобразователь мира, Пуп Земли и Золотой сад	60
Я никогда вам не скажу...	65
Кто шагает дружно в ряд?	68
Смерть Атауальпы	79
Мы любим буги-вуги	83
Пожелай нам доброго пути!	94
Гипатия и сражение при Гренгаме	99
Инкский Дед Мороз	114
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Елена Радецкая

Одинокий пастух

© Радецкая (Матвеева) Е., текст, 2019

© «Геликон Плюс», макет, 2019

* * *

Наконец солнце прорывает облака и веером рассыпается по долине, вокруг глянец и сверкание бесчисленных огней в каплях ночного дождя. А потом облака, словно от солнечного тепла, начинают истаивать, обнажая панораму гор. Внизу рычит, перекачивает валуны и несется со скоростью экспресс-поезда буйная Урубамба – Священная река инков, река Солнца, отражение Млечного пути на Земле.

Буро-ржавая тропа идет вплотную к скале, затем по каменистому косогору, покрытому пучками травы и там-сям растущей опунцией, ныряет в лес, и на обочинах можно встретить дивные, словно из сказки, цветы, похожие на граммофоны, бокалы, кувшинчики, мохнатые звезды, только ни на один из знакомых мне цветков. Я и названия их не знаю. Над цветущим кустарником завис и трепещет колибри размером с бабочку, достает, как шприцем, своим длинным тонким клювом нектар. И вдруг – картошка! Самая обычная, с такими, как у нас, сиреневыми цветками.

На тропе семеро, не считая проводника, который следит за двумя мулами, груженными поклажей, а замыкает шествие собачонка, такие же у нас бегают, беспородные. Наверное, увязалась за проводником. У ручья, бегущего по желобу с гор, делаем недолгий привал. В небе парит какая-то гордая птица. Кондор? Орел? А может, коршун?

Солнце поднимается все выше. Я слышу хор птиц и флейту одинокого пастуха в долине, где кормятся ламы. Мелодия флейты неторопливая, раздумчивая, и если печальная, то чуть-чуть, потому что все, что должно было случиться, — уже случилось.

Улыбнись встречному!

Сказать, что моей матери слон наступил на ухо, значит, ничего не сказать. Он не просто наступил, он потоптался там и даже повалился. Я и раньше замечала, что многие люди, ухо которых облюбовал слон, очень любят петь. Почему, спрашивается? Непонятно.

Мать с утра заунывно поет: «В жизни раз бывает...» И в этом нет ничего удивительного, сегодня пятнадцатое октября. В этот день рождаются яркие и неординарные личности, такие как Лермонтов, Ницше и Торричелли. Кто-то из античных мудрецов сказал, что природа не терпит пустоты. Оказывается, терпит, Торричелли это доказал, изобретая ртутный барометр. Также в этот выдающийся день родились Вячеслав Бутусов и я.

И вот я выросла и расцвела, как предписано природой, а предписан мне был среднестатистический вариант. В общем, не хуже и не лучше других, хотя тетя Валя, наша родственница из Новгорода, недавно отметила: «Лягушонок превратился в смазливую девицу». Я приняла это как комплимент. Вообще-то я не совсем идиотка, чтобы не замечать, что не уродина. Только почему мне мама об этом никогда не говорила? Она боялась, чтобы я не стала много о себе воображать? По мне лучше воображать, чем мучиться комплексами.

Итак, пятнадцатое октября, суббота. Мне восемнадцать лет. За окном солнце. В этот день случается разное – от слякоти и мокрого снега, до такого благолепия, как сегодня. В природе все пестро, но не ярко, сдержанно: растительность желтовато-розовато-зеленоватая, а дорожки, засыпанные листьями, – сиреневато-палевые. С утра мы со школьной подружкой Танькой Васильевой отправились в кафе и прочли на асфальте надпись: «Улыбнись встречному!»

– Улыбнемся? – спросила Танька.

– Улыбнемся, – ответила я.

И мы стали улыбаться встречным. Они реагировали не одинаково. Одни смотрели на нас, как на дебилков, другие изображали на лице скучно-презрительную мину, а третьи – улыбались! И таких было не так уж мало.

Улыбаться мы перестали, потому что уже не могли сдерживаться и стали хохотать во весь голос.

В маленьком симпатичном кафе мы ели эклеры и запивали рислингом из красивых круглых бокалов, куда поместился бы теннисный мячик. А следующим номером программы была прогулка по Сосновке. Это лесопарк, он недалеко от моего дома, основные деревья – сосны и березы, не попеременно, а однородными участками – участок корабельного бора, участок берез для любителей Есенина. Я-то бор предпочитаю, в нем всегда солнечно от оранжевых (утром – розовых) стволов сосен. По дороге мы собирали осенние листья: желтые, рыжие, винно-красные. Я нашла ромашки, это

последние, даже на вид какие-то усталые.

Потом мы пели. Это привычка у нас с детства такая. Одна запоем, а другая подхватывает. Особенно нас разбирает на природе, на свежем воздухе, где никто не слышит, как мы завыаем. После сеанса хорового пения Танька стала рассказывать о парне из их института, об Олеге, с которым она встречается, какой он умный, красивый, хороший, жаль только, что уже на четвертом курсе, и жаль, что он не ленинградец, а мурманчанин, но это и лучше, потому что наши парни нахальные и избалованные, а в провинциальных сохранилось что-то настоящее, надежное. Забодала своими рассказами, признаться, я утомилась. А поскольку у меня не было парня, я стала рассказывать ей про инков.

Инки, южноамериканские индейцы, клевый народ. Я не хочу сказать, что это самый загадочный народ на земле, хотя такой вывод определенно напрашивается. Чего ни коснись – одни загадки, которые никто не разгадал, и, возможно, не разгадает.

Страна инков называлась для нас труднопроизносимо – Тауантинсуйу. Инкские воины захватили окрестные племена и их земли, причем многие и завоевывать не пришлось, они добровольно присоединились. Народы в этой стране говорили на семистах языках и диалектах, но был у них и общий, государственный язык – кечуа. Этим же словом называли себя и сами инки. На тот период Тауантинсуйу была самой большой в мире империей. Она и сегодня удивляет сво-

ими размерами, на ее территории находятся шесть стран: Перу, Эквадор, Боливия, Чили, Аргентина и часть Колумбии.

Пятнадцатый век был для Тауантинсу́йу временем расцвета, а до заката оставалось совсем немного – чуть меньше столетия, потому что инков завоевали испанские колонизаторы – конкистадоры. Около двухсот испанцев покорили страну с двадцатимиллионным населением, у которой была сильнейшая армия. Как это случилось? Перст судьбы...

Инки построили много крепостей, храмов и дворцов из многоугольных отшлифованных блоков, которые весили сотни тонн и прилегали друг к другу так плотно, что лезвие бритвы между ними не просунуть. В горах, где не было возможностей для земледелия, они создали многоступенчатые орошаемые террасы, проложили шестьдесят тысяч километров дорог через горы, джунгли и долины, а над бурными реками соорудили подвесные мосты. И все это при том, что инки не знали колеса и железа!

– Как же они без колеса и железа? – спросила Танька. Большой заинтересованности в ее голосе я не услышала.

– А вот так! – ответила я. – Я же говорю, это самый загадочный народ.

Мы приблизились к воинскому кладбищу. Будто специально оно пряталось между сосен, пройдешь рядом – не заметишь. Во время войны в Сосновке был аэродром, и тех, кто погиб, хоронили здесь же. Бронзовый коленопреклоненный солдат с приспущенным знаменем, стела для орденос-

ных героев и простые раковины с фамилиями, всего около пятидесяти. В школе наши классы «а» и «б» шефствовали над кладбищем, ухаживали за могилами, приносили цветы, Девятого мая здесь была обязательная линейка.

Нам с Танькой достался Анатолий Сергеевич Клеонский – «27.04.1920 – 11.01. 1942». Его раковинка в последнем ряду, слева, под деревом. Когда-то на ветки этого и других деревьев привязывали пионерские галстуки, в солнечный ветренный день они трепетали, словно маленькое кладбище охватывало легкое пламя.

Нашего подшефного Толю Клеонского мы не забывали, потому что часто гуляли в Сосновке. Ему не хватило двух с половиной месяцев до двадцати двух лет. Сидя на сухой хвое возле раковинки, мы придумывали ему жизнь. Конечно, Толя мог и не быть летчиком, ведь на аэродроме много всякой работы, здесь служили и механики, и саперы, и связисты, и шоферы, и простые рабочие, которые чистили взлетную полосу. Но мы считали, что он был молодым летчиком, только что окончил летное училище. Женат не был. Возможно, он лежал в госпитале, который был отсюда в полукилометре, и тогда за ним ухаживала моя бабушка, она там работала. Мы знали Толю с пятого класса, и за эти годы он не постарел, а теперь уже и в женихи нам годился бы. Мы про него много всего насочинили. И, кстати, говорили мы здесь не только о нем, а о многом, и тайны свои поверяли друг другу. Атмосфера способствовала.

Я освободила могилу от пыльных искусственных цветов и уложила ковриком цветные листья, а поверх с нарочитой небрежностью, бросила ромашки. Мы присели возле раковины, и я продолжала разливаться соловьем.

– В государстве инков все было отлажено, как хороший механизм...

– Так откуда взялись эти инки? – перебила меня Танька.

– Покрыто мраком неизвестности. История инков была записана, но исчезла. И с письменностью все непонятно. В общем, чего ни коснись, все таинственно и странно. В стране инков было огромное количество золота, ее даже называли Эльдорадо.

– Откуда золото?

– Природное богатство. Откуда его берут? Мыли песок в реках, копали в шахтах. Золотыми пластинами они обшивали стены дворцов, храмов, и даже на одежду нашивали тоненькие золотые пластинки, а вожди и богатеи вставляли в мочки ушей золотые диски. Но золото ценилось само по себе, как солнечный свет. Никто на золото ничего не покупал, потому что торговли не было. И денег, естественно, не было. Нищих и бомжей, представь себе, тоже не было. Все одеты, обуты и накормлены! Каждому – по потребности, от каждого – по способности. Старые, больные и дети у инков не работали (хотя и они, по мере возможности, делали, что могли), но свою долю от урожая получали. Никто не голодал и не холодал. А то, что оставалось, кроме необходимого, уби-

рали в государственные кладовые и не боялись неурожайных лет и чрезвычайных ситуаций.

– У них там что, коммунизм был?

– Нет, коммунизма, конечно, не было... Там существовали правители и работяги, просто соцзащита была на высоком уровне.

– А к чему ты мне все это рассказываешь? – подозрительно спросила Танька.

К чему? К тому, что мне больше не о чем было рассказывать.

– Я собираюсь выучить язык кечуа и поехать в Перу, там сердце инкской цивилизации.

Как-то само собой вылетело, потому что до этой минуты я не собиралась учить язык кечуа и ехать в Перу. То есть поехать я не прочь, но это могло случиться только в заоблачных мечтах.

– Помнишь, давным-давно мы ходили в «Уран» смотреть документальный фильм «Неизвестная Амазонка»?

– Еще бы! Море слез! Кстати, что это ты там разревелась?

– Не знаю. Думаю, душа моя рвалась в Перу, а я понимала, рвись – не рвись, все бесполезно.

– Разве Амазонка в Перу течет?

– Она по разным странам течет. В Перу тоже.

– Ты мне голову не морочь, – сказала Танька. – Ты меня совсем дурой считаешь? Давай колись!

Долго себя упрашивать я не заставила.

– У нас есть один преподаватель, он человек необыкновенный. Его зовут Филипп Александрович. Он настоящий ученый, знает про инков все...

– И ты в него влюблена, – закончила Танька.

– Конечно, нет. Я его и видела всего девять раз...

– И втюрилась. Но ты поосторожнее с преподами. У нас одна девчонка со второго курса закрутила любовь с преподам. И знаешь, чем это кончилось? Ужасным скандалом. Препода разбирали на партсобрании и выписали ему таких кандюлей, что у него случился инфаркт.

Тут мы захохотали, как сумасшедшие.

– А что теперь с преподам, которому выписали?

– Поправился. Будет нам читать «Научный коммунизм», когда дорастем до него.

– Вообще-то тут нет ничего смешного, это не шутки. Смотри, чтобы у твоего ученого тоже инфаркт не случился.

– Болтаешь глупости!

Мама

Прогулка с Танькой – кусочек личного времени, который я выторговала у мамы. Я бы хотела провести день рождения с подружками, но она сказала:

– Сегодня мы останемся вдвоем. Потом будешь делать что хочешь, а сегодня проведи, пожалуйста, вечер с матерью. Нам есть о чем поговорить.

Я догадывалась, о чем. О Викеше, о Викентии Петровиче. И у меня были дурные предчувствия. Но неужели надо портить этими разговорами день рождения?

Теперь она пекла пирог, из кухни доносился вкусный дух и заунывное:

– В жизни раз бывает... – Потом на тот же мотив, а точнее, на его отсутствие: – Старость меня дома не застанет... Старость меня дома не застанет...

– А где она тебя застанет? – спрашиваю, появляясь на кухне.

– Кто?

– Старость!

– Отстань. Это такая песня.

Этот стон у нас, между прочим, песней зовется.

Сегодня я почему-то все время вспоминала тетю Валю. Так вот, она тоже не балдела от маминого пения, но считала, что это ее единственный недостаток. Тетя Валя называ-

ла ее «образцовой матерью», «правильной» и даже «идеальной» (это уж чересчур!), и эти определения с детства запали мне в голову. Правильность заключалась в том, что мать сама вырастила ребенка, то есть меня, была я одета и накормлена, дом – ухоженный, в полном порядке, притом на работе ее ценят. Она инженер на заводе «Светлана», где проработала всю жизнь, чем очень гордилась. А чем тут гордиться? Говорят, надо менять работу каждые семь-восемь лет, иначе возникает усталость и отсутствие интереса. Но мама возражает:

– Только не в нашей профессии инженера-конструктора. У нас, чем дольше работаешь, тем больше интерес, чем дальше в лес, тем больше дров.

Отец погиб, когда мне было три года, ехал на велосипеде по проспекту Энгельса, совсем недалеко от нашего дома, и попал под машину. Вслед за ним умер дедушка. Через шесть лет бабушка. Отца и деда я не помню, какие-то туманные эпизоды, а бабушку помню хорошо, благодаря ей я не узнала, что такое детский сад, а в школе – продленка, ведь мама работала, а после работы еще и подрабатывала, печатая на машинке. Она была в семье всем и всему голова. «Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик...» – это о моей маме, которая умеет не только гвоздь забить, но и карнизы привесить, и набойки на туфли поставить, и новую молнию вшить, взамен испорченной, в куртку, в сумку и даже в сапоги. Она может пробки испорченные поменять, починить утюг и даже пробовала ремонтировать телевизор, но тот не дался. Она уме-

ет готовить, шить, вязать, стрижет меня, подружек и пуделя своей сослуживицы. Осенью она консервирует огурцы, помидоры, квасит капусту и заготавливает грибы, которые мы собираем вместе в Вартемягах. И уроки в младших классах она у меня исправно проверяла, и по алгебре подтягивала. Что-то в этом роде я писала в школьном сочинении о маме. Мол, умелая и строгая.

Я боялась маму, хотя она никогда пальцем меня не тронула. Наказывала – молчанием и презрением.

Моя мать, если говорить умными словами, перфекционистка, минималистка в собственных потребностях и максималистка во всем остальном, совершенная реалистка, но идеалистка в отдельно взятых вопросах, а также женщина, принципиальная во всех отношениях. Она в изрядной степени политизирована, в том смысле, что много лет выписывала газету «Правда» и читала ее, хотя тут требуется уточнение: у них на заводе, если не выпишешь «Правду», не разрешали участвовать в розыгрыше на подписку «Нового мира», «Иностранной литературы», а также журнала «Огонек» и «огоньковских» собраний сочинений. А читала она «Правду», потому что знает счет деньгам: заплачено – надо использовать. Теперь она перестроилась, смотрит по телевизору «Время», иногда «Прожектор перестройки» и «Будку гласности». «До и после полуночи» и «Взгляд» – всегда. И не дай бог пропустить «600 секунд». Она против Нины Андреевой, говорит, что «воспитана перестройкой» и ждет перемен, хотя Виктор

Цой ей совсем не симпатичен. А еще я думаю, что моя мама ханжа, и это не потому, что ей не понравилось кино «Маленькая Вера». В ее возрасте это не удивительно. Только зачем подчеркивать, что она вдова, а не разведенка, тем более тут есть небольшая неточность: в первом браке – разведенка, и только во втором – вдова.

* * *

Не могу избавиться от некоторых слов-ярлыков, которые когда-то были произнесены: «смазливая мордашка» и «умненькая девочка». Первый ярлык повесила на меня тетя Валя, второй – наша классная. Мама ничего не говорила о моих умственных способностях, а, услышав похвалу классной, лишь саркастически улыбнулась. Не хотела, чтобы я зазналась. Мне, честно говоря, похвала тоже показалась немного сомнительной. Так можно сказать о семилетнем ребенке, а я давно перешагнула этот возраст. Однако мама запомнила хвалебное выражение и теперь, когда я выступлю не по делу, она говорит с усмешкой: «умненькая девочка», а подразумевается – идиотка. В общем, «образцово-показательная мать» никак не способствует воспитанию во мне чувства собственного достоинства и уверенности.

Когда встал вопрос, куда мне поступать после школы, мама заявила:

– Тебе одна дорога – в педагогический, на «русский и ли-

тературу». Больше ты никуда не поступишь. В университет конкурс безразмерный. Чтобы поступить туда, нужен блат или еще кое-что, чего у нас нет. Так что не мечтай.

Я подумала и решила, что предложение разумно. Собираюсь поступить на заочное и работать, но мама настояла, чтобы я шла на дневное. Ладно. Поступила без особых трудов, у меня даже баллы остались в запасе. Так может быть, надо было рискнуть и все-таки пойти в университет? Мать сама не мечтает, потому ничего замечательного и не случается в ее жизни. Она хочет, чтобы и я была такой же.

У нас в семье все мужчины работали на «Светлане». Прадед, так сказать, зачинатель заводской династии, работал токарем, когда «Светлана» была еще машиностроительным заводом «Айваз». Это происходило до пролетарской революции, и там же, примерно в то же время, и тоже токарем, работал всероссийский староста Калинин. Связь между прадедом и Калининным вряд ли была, иначе прадед был бы большевиком и делал бы революцию, а он не делал. Дед и отец дополнили инженерно-технический персонал завода. В общем, с мужчинами все понятно. А женщины нашей семьи были училками, фамильная профессия.

Прабабка учила деток у нас на Удельной, хотя высшего образования у нее не было, а вот бабушка получила таковое и тоже учила детей языку и литературе в той школе, в которой училась мама. Только мама не пошла в педагогический, а уклонилась в сторону инженерии, поскольку по этой части

имела большие способности, но она всегда хотела восстановить женскую учительскую линию нашей семьи. С моей помощью. Вот почему она железной рукой направила меня в пед. Я, конечно же, ей не сообщала, что быть училкой категорически не желаю, а в высшем образовании для меня одна цель – диплом. В дальнейшем он поможет стать кем угодно, ведь можно устроиться работать, например, в издательстве, на телевидении или радио, да мало ли где.

И вот теперь, в свой день рождения, я режу овощи для салата оливье и теряюсь в догадках, зачем мама готовит угощение как на Маланьину свадьбу, это очень странно при ее экономности и дефиците продуктов в стране. Значит, кто-то припрется? Кроме Викеши – некому! От этой догадки становится совсем грустно.

– К нам кто-то должен прийти?

– С чего ты взяла? Я же сказала, нас будет двое.

Ага, сегодня двое, а завтра? Меня мучает подозрение, что завтра, послезавтра и так далее нас будет трое. Викеша будет жить здесь, рядышком, за стенкой.

Мать поет на свой единственный безмотивный мотив:

– Ах, я сама, наверно, виновата, что нет любви хорошей у меня...

С тоской в голосе поет, и я спрашиваю:

– Может, поговорим о любви?

– Придет время, поговорим.

У меня нервы сдают. Раздраженно сваливаю в тазик куби-

ки вареной картошки и выхожу из кухни. Стою у окна в своей комнате. На улице какой-то не осенний, светлый, легкий дождик. Хватаюсь за лицо руками, ощущаю на щеках липкую размазанную картоху. Иду мыть лицо, продолжаю резать соленый огурец, лук, докторскую колбасу.

А что ужасного, если Викеша переедет к нам? Возможно, даже лучше будет, мать переключится на него и отстанет от меня. В последнее время мы с ней живем как кошка с собакой, сплошные скандалы, ноль взаимопонимания. Что-то должно случиться, чтобы изменить эту ситуацию.

В духовке пыхтит и распространяет душераздирающий аромат курица с яблоками. Одним ароматом можно напиться. Вообще-то предполагалось, что будет не курица, а утка, но цены на рынке – полный беспредел.

– По-моему, я хороший кулинар, – говорит мама.

– Кто-то в этом сомневается?

Может быть, ей тоже нужно поощрение? Она меня никогда не хвалит, и я ее тоже. Если я для нее что-то делаю, она говорит, «спасибо», я тоже говорю – «спасибо».

Я не приучена к сюсюканью. Мать никогда не называла меня зайчиком, солнышком, птичкой, и я завидую подружкам, к которым матери лезут со щенячьими нежностями, как у Таньки. Она отбрыкивается, а мне нравится. Если у меня когда-нибудь будет ребенок, я буду его целовать-миловать и называть всякими дурацкими ласковыми словами.

– А почему ты не спросишь, есть ли у меня любовь? –

говорю матери.

– Если появится, сама расскажешь.

– Так ты думаешь, любви хорошей у меня нет?

– Думаю, нет.

Смотрю на нее и не могу понять, что же у нее с этим Викешей? Он и раньше к нам заходил, в последний год даже чаще. Они вместе по телевизору смотрели партконференцию, а потом с особым смыслом и интонацией, глядя друг на друга, говорили: «Борис, ты не прав». Может, это и относилось к тому, что на конференции было, то есть к Ельцину, но тогда зачем в гляделки играть и представлять загадочность?

Может, между ними ничего и нет? Но почему тогда столько еды?

И вот наконец мы приступаем к празднованию.

Мама внесла в комнату яблочный пирог, утыканный восемнадцатью горящими свечами. Оригинально. И экономно. Дешевле, чем «Наполеон», который она делала раньше. Мне было велено задуть свечи, а мама открыла шампанское (она красиво, я бы даже сказала, шикарно открывает шампанское) и стала разливать по бокалам. И тут раздался звонок в дверь.

Вот оно! Сюрприз! Чего-то подобного я ждала. Однако реакция мамы оказалась неожиданной.

– Кто это может быть? – спросила она взволнованно. – Ты кого-нибудь ждешь? Давай не откроем! Сходи тихонько, посмотри в глазок.

Я подошла к дверям на цыпочках, будто меня можно было услышать снаружи, приблизилась к глазку, и тут же раздался второй звонок, я вздрогнула, отпрянула от двери. А там стояла Наташка. В руке у нее был какой-то пакет. Я проشمыгнула в комнату, где в бокалах благополучно лопались пузырьки, а мать застыла в ожидании.

– Это Наташка с нашего курса.

– Не открывай, – велела мама.

Раздался третий звонок.

– Она с подарком!

– Ничего, в понедельник подарит.

Для матери необычны такие поступки, она даже по телефону никогда не просила соврать, что ее нет дома. И это меня напугало. Видать, разговор у нее был серьезный. Мы переждали еще немного, звонок молчал. Шампанское уже выглядело лимонадом, поэтому мама дополнила бокалы и произнесла краткую речь. Мы опорожнили бокалы и приступили к еде.

Мы ели и ели, а мама все не начинала разговор, и я дрогнула.

– Ты хотела мне что-то важное сказать...

Мама опять взялась разливать шампанское, наверное, никак не могла собраться с мыслями, наконец, словно заторможенная, начала свою речь:

– Вот тебе и восемнадцать! – И после изрядной паузы: – Я тебя вырастила. Ты уже совершеннолетняя.

Опять пауза. И тут я не выдержала.

– Ты хочешь сказать, что собираешься выйти замуж за Викентия?

– Уже.

– Что уже? – У мамы виноватый вид, и это тоже ей не свойственно. – Когда?

– В прошлую субботу.

То ли я засмеялась, то ли застонала. Я не верила своим ушам.

Передо мной сидела не то чтобы старая, но далеко не молодая женщина, не очень хорошо сохранившаяся. И эта почти пятидесятилетняя матрона говорит, что вышла замуж неделю назад. А я ничего и не заметила. Спросить бы ее, как же с первой брачной ночью? Может, они еще и целуются? А может, чего и похлеще? Я представить себе не могла, чтобы моя мать лежала в постели с мужчиной. Это ужасно. Гадость какая!

А она сидела молча, подперев рукой голову, опустив глаза. Мне ее стало жалко, и я вдруг подумала: вроде, она еще ничего, если присмотреться, или наоборот, не присматриваться, или свежим взглядом... Она энергичная, даже веселая бывает, она все знает, все умеет, может, это кому-то и нравится? А за Викентия ли она вышла замуж? Если она так тихарится, что я ни фиги не замечаю, то здесь любой подвох возможен.

– Ну а как же свадьба? – проямлила я.

– Да господь с тобой, мы же взрослые люди, какая свадьба?

– И когда он переедет к нам?

– Это я перееду. Мы будем жить у него, на Московском.

Вот те раз! Даже не знаю, что я почувствовала. То ли облегчение, то ли сожаление, то ли растерянность. Наверное, более всего – облегчение. Просто сразу тяжело переварить мысль, что я уже взрослая и буду жить сама.

– А как же я?

– Ты здесь останешься, в родном гнезде. Потом замуж выйдешь, потом у тебя дети родятся...

– Но я не собираюсь замуж, и детей рожать не собираюсь.

– И очень хорошо. Тебе еще рано, учиться надо. А с Викентием нам легче будет тебя выучить. Хотела довести тебя до диплома, но тогда я буду уже совсем старая. И Викентий поставил условие...

– Невероятно! И давно это у вас?

– Да уж лет пять.

– Что же ты раньше думала?

– Ждала, пока ты станешь взрослой. Ты бы не приняла отчима.

– Откуда ты знаешь?!

– Уж знаю, – сказала она и вздохнула.

И я вспомнила один случай десятилетней давности. Почему-то раньше я никогда о нем не думала. Ригу вспоминала, а вечернее кафе-ресторанчик нет. А ведь было оно необыч-

ным: стены из дикого камня и кирпича, бра – медные полусферы, приглушенный свет. На столиках в бокалах свечи. И живая музыка: пианино, скрипка и виолончель. Как в иностранных фильмах. Раньше я ничего подобного не видела, да и не бывала в таких местах, тем более, вечером. Не помню еду, а питье помню, мама взяла мне фруктовый коктейль, который надо было тянуть через трубочку, а себе бокал вина. Я была от всего в восторге, а к матери подошел мужчина, пригласил танцевать, и она пошла. Его рука лежала на ее талии и скользила по шелку платья вниз, по бедру. Я смотрела на них, смотрела и заплакала. Мать вернулась, пыталась меня утешить, но я редела, как корова, пришлось уйти, оставив недопитое и недоеденное. На улице я ткнулась лицом ей в живот, порыдала еще малость и успокоилась. Потом она вела меня за руку в гостиницу и молчала. Все кончилось без всяких объяснений. Мама сама никогда не вспоминала этот эпизод.

– Нечего было на меня внимание обращать. Делала бы, как нужно.

Она опустила голову на руки. Плечи вздрагивали. Я никогда не видела плачущую мать, и это меня потрясло больше всех новостей. Я подошла, неловко обняла ее и тоже заревела.

– Я так устала, – проговорила она.

Мы надолго замолчали, потом я попыталась сказать что-то ободряющее, а она отозвалась:

– Заткнись, пожалуйста, Хью!

Эта фраза из ее любимого фильма – «Человек с бульвара Капуцинов», и уж если она ее вспоминает, значит, все хорошо, пришло умиротворение.

Она отправилась в ванную, вернулась умытая.

– Ну все, проехали, – сказала обычным повелительным тоном.

* * *

Утро воскресенья. В квартире тишина. Заглянула к матери. Она стояла в своей комнате и смотрела в балконную дверь, на раскинувшийся под окнами парк.

– Жаль уезжать?

– И да, и нет. Все-таки с этим домом связана почти вся моя сознательная жизнь. А хочется начать новую.

– Ну ничего, – милостиво согласилась я. – Если что – сможешь вернуться.

– Это вряд ли, – отозвалась она. – А навещать тебя буду, проверять, чтоб не сбилась с пути истинного.

Ну вот, приехали. Она неисправима! К чему тогда разговоры о новой жизни? Интересно, как часто она собирается меня проверять? Труда это не составит, работает она через дорогу.

Мать сложила вещи в большую сумку. Сказала:

– Возьму кое-что на первое время, потом потихоньку пе-

ревезу все, что надо. Ты не видела мою вязаную жилетку?

Понятно, вот и повод ходить сюда каждый день.

Я пошла накрывать на стол. Она пела:

– Я другое дерево... Я такое дерево...

Сели завтракать.

– Жаль, что ты ничего не рассказала мне о Викентии. Я же ничего о нем не знаю.

– Узнаешь. Теперь вы будете часто общаться.

С какой стати? Общаться мне не с кем, что ли? Может, мужик он и неплохой, но особой приязни у меня не вызывал. Высокий, толстеющий, когда-то был блондином, а теперь, сдобренный сединой, просто пегий, он даже мог показаться симпатичным, но только не мне. Как-то он заявился после моего поступления в пед, поздравил и говорит:

– Задам тебе контрольный вопрос как будущему педагогу, преподавателю литературы. Как звали героя Гоголя из «Записок сумасшедшего»?

– Поприщев.

– Не Поприщев, а Поприщин. А как его имя и отчество?

– Разве в тексте это есть?

– Есть. Его зовут Аксентий Иванович.

О-бал-деть!

– А как звали собачку, письма которой читал Поприщин?

Не помнила я имени собачки. А экзамен, устроенный Викентием, не прибавил к нему симпатии, скорее наоборот. Похоже, подумала я, он зануда почище матери.

– Куда же делась моя вязаная жилетка? – не унималась мама. – Ты точно ее не надевала?

– Вот еще... Я такое ретро не ношу. А Викентий разведенный или вдовец?

– Пятнадцать лет как разведен.

Я даже присвистнула.

– А дети есть?

– Сын. Женатый. И внук есть. Они в Севастополе живут, на родине бывшей жены Викентия, она вернулась туда после развода.

– Что же Викентий делал эти пятнадцать лет? Без жены. Интересный вопрос.

– Ничего интересного. Сына воспитывал. Сын в Нахимовском учился, закончил, в военно-морское училище отказался идти, поступил в корабелку, а потом к матери уехал.

Мы позавтракали, и мама опять искала свою жилетку, пока не обнаружила ее в стенном шкафу.

– Выброси ты эту чучельно-огородную жилетку! Это же ужас!

Ноль внимания, поет:

– Я другое дерево...

– Какое же, интересно, ты дерево?

– Такое. Не потому что я лучше других деревьев. Просто я не хочу, чтобы меня гнули и ломали, чтобы делали из меня мачту океанского корабля и даже скрипку! Я хочу тянуться ветвями в небо и быть сама собой.

– Прикольно, – говорю. – Даже философски как-то... И поэтично, ничего не скажешь.

Вот что делает любовь! Она уже песни сочиняет. Или это из ее студенческого репертуара, когда они на картошку ездили и пели под гитару у костра?

Не могла дождаться, когда же мать отвалит, а она почему-то медлила, словно ей чертовски не хотелось покидать свой дом. Как тягостны последние часы, минуты перед отъездом, когда не ты уезжаешь. Еды у меня оставалось предостаточно, как и наставлений. Я не должна злоупотреблять материнским доверием, обязана вести нормальный образ жизни, не превращать дом в бардак, потому что она положила на меня восемнадцать лет труда и все свои надежды. Наконец мы взяли рюкзачок, дорожную сумку, и я проводила мать до метро. На станции «Московская» ее должен был принять в объятия законный супруг.

Возвращалась домой через парк. Иней посеребрил траву, а деревья стояли в сиреневой дымке. Вот она – свобода! Ждешь ее, ждешь, мечтаешь о ней, а наступит – почему-то грустно.

На лестничной площадке меня встретила соседка Калерия, молодящаяся пенсионерка.

– Вчера вас не было дома, а к тебе девочка приходила и кое-что оставила. – Она зашла в свою квартиру и появилась с цветочным горшком, над которым парили, словно сбившаяся стайка мотыльков, нежно-сиреневые цикламены. – Смот-

ри, какая прелесть!

Только мне этой прелести не хватало! Цикламен в нашей семье цветок особенный, считается, что он приносит в дом смерть. Появляется в доме цикламен – кто-то умирает. Примеры: прабабушка, бабушка и еще кто-то из родственников. Не знаю, откуда пошла такая легенда, вероятнее всего, от бабушки, мать не подвержена никаким предрассудкам, хотя семейное суеверное правило соблюдала: в доме никогда не было цикламенов. Дождавшись, пока Калерия ушла, я отнесла горшок двумя этажами выше и оставила на лестничном подоконнике.

Мать позвонила уже от Викеши. Опять пошли нудные наставления. Я разозлилась, и от злости прошла печаль. Поболтала по телефону с Наташкой, поблагодарила за цветы. Потом валялась перед телевизором с чашкой чая и пирогом, смотрела все подряд. Начинала входить во вкус одинокой жизни. Телевизор был в маминой комнате, и я осталась ночевать на ее тахте. В эту первую ночь без мамы мне впервые приснился сон, будто я иду по инкской тропе.

Тропа шла по горной круче, справа упиралась в отвесную стену, слева – обрывалась в ущелье, она была узкой, и я видела, как вниз, в мелкую речку, бурлящую, белую от бешенства, скатывается щебень. Мне было страшно, ноги неме-ли, сердце замирало. Как вдруг я заметила впереди Филиппа Александровича. Он был одет, как Шерлок Холмс в Альпах из русского сериала: штаны три четверти, куртка, туристские

ботинки и охотничья шляпа, а в руках посох. Шел он так уверенно, что я успокоилась. И почти сразу тропа ушла в лес, теперь уж действительно нечего было опасаться. Я не знала, как привлечь внимание Филиппа Александровича, ждала, он почувствует, что я за ним иду, и повернется, но так и не дождалась. Проснулась.

Краткое введение в инковедение

Не было у меня «любви хорошей», была тайная, безответная.

В голове моей обреталось много сорных мыслей, даже не знаю, где и набралась. В частности: «Мужчина должен быть чуть красивее обезьяны». Кто выдумал этот идиотизм? Неужели я представляла своего суженого лысым и пузатым? Ни в коем случае! Но я хотела, чтобы он был умным. Над моим письменным столом висела репродукция из «Огонька», портрет Эразма Роттердамского. Он меня привлекал своим умным аскетичным лицом с саркастическим, я бы даже сказала, ехидным выражением. Потом я увидела этот портрет в альбоме Ганса Гольбейна, там он был гораздо четче пропечатан, и оказалось, что выражение лица у него значительно мягче, это был просто старый усталый человек. Но, безусловно, умный и проницательный. Не то чтобы Эразм Роттердамский был моим идеалом мужчины, ни в коем случае. Но мне портрет очень нравился. На моей репродукции.

В первом классе я одновременно влюбилась во всех отличников. Их было трое, и все крайне неказистые. Во втором классе появился четвертый отличник, такой же мозгляк, но его я тоже внесла в свой список. В третьем классе я охладела к отличникам и уже ни в кого не влюблялась. Некоторые мальчишки нравились, но любовью это трудно было назвать.

Как-то я спросила маму, какое качество она больше всего ценит в людях. Ответила, не задумываясь:

– Доброту.

Я считала, что самое ценное – ум.

А еще я хотела стать женой ученого. Я представляла себе квартиру с гостиной, детской и кабинетом мужа-академика, где стеллажи с книгами поднимались до пятиметрового потолка, здесь же стояла стремянка, чтобы снимать их оттуда и вытирать от пыли. И, конечно, вольтеровское кресло, обитое коричневой мягкой кожей, а на спинке – плед. Камин вряд ли возможен в наших квартирах, а электрический – не нравится. И бог с ним, с камином. Вот красивые лампы нужны. И все это в зелено-коричневой гамме, интеллигентно, стильно, антикварно и еще не знаю как. Мой супруг сидел бы в своем кабинете, а не шастал где попало, и творил науку, а я бы создавала ему условия и говорила детям: «Тише, не шумите, папа работает». В какой области он мог бы работать? В любой. Я и на физика была согласна, и на лирика.

Откуда появились эти странные фантазии? То ли когда-то мне понравился спектакль по пьесе Шварца, где уютный милый ученый влюбился в принцессу и потерял свою тень? Или меня очаровал музыкальный фильм с Одри Хепберн «Моя прекрасная леди»? Конечно, профессор Хиггинс был человек, мягко говоря, экстравагантный, а если по-честному, натуральный хам, но все равно милый, иначе Элиза не распевала бы, как птичка: «Я танцевать хочу, я танцевать хочу!»

Это были всего лишь мечты, но когда вместо старого тухлого сморчка, который должен был читать нам языкознание, в аудиторию вошел Филипп Александрович Коршунов, статный красавец с тронутой сединой шевелюрой, конечно же, я его вмиг узнала, вся обомлела, запылала, и в мыслях молвила: вот он! Профессор Хиггинс!

Я почти не слышала, что он говорил, а глаз не отрывала. Наш сморчок попал в больницу, и вряд ли предполагалось, что вернется на работу, так что Филиппа Александровича пригласили прочесть для нас курс языкознания. Он был человеком необыкновенным: языковед и этнограф, историк и археолог, специалист по языкам и культуре Южной Америки, он работал в Академии наук и читал лекции в университете, ездил в Перу и вместе с иностранными учеными раскапывал древнюю крепость инков.

Это был человек из мечты, и никакого отношения к реальности (к моей реальности!) не имел, но почему я не могла благоговеть перед ним, тайком обожать его? Могла, и благоговела, и обожала. И надо сказать, была не единственной, его обожали все девчонки, и лекции его не пропускали.

Когда он впервые пришел, мы уже были наслышаны о нем. Он представился и стал знакомиться с нами по списку, а потом Наташка, самая безбашенная на курсе, спросила, правда ли, что он полиглот, и знает двенадцать языков.

– Правда, – сказал он. – Не считая диалектов.

Он был специалистом в таком экзотическом языке, как

кечуа, на котором когда-то говорила вся империя инков, и теперь говорит большая часть Перу, кечуа вместе с испанским – государственные языки этой страны.

– Правда, что вы родились и детство провели в Париже? – не дала ему опомниться Наташка.

Нет, разведка принесла неверные сведения. Родился он в Ленинграде.

– А вы женаты? – не унималась Наташка.

Тут уж он не выдержал и сказал, что его личную жизнь мы обсуждать не будем. Наташку это не смутило:

– Вы нам расскажете про инков?

– Если останется время, – пообещал он и начал лекцию. Время осталось, и Филипп Александрович поинтересовался, что мы знаем об инках.

Ничего конкретного мы не знали, и тогда он спросил:

– А что вы думаете о народе, у которого были три заповеди: не лги, не воруй, не ленись?

Что тут думать, очень приличный народ.

Двери своих домов они не закрывали, если хозяина не было дома, в дверях стояла метла. И без дела не сидели. Мужчины выращивали картофель, кукурузу, разные овощи, о которых у нас в те времена понятия не имели. Женщины готовили еду, пряли, ткали и даже в гости носили с собой прялку и веретено, чтобы не терять драгоценное время. И по дороге в гости занимались делом – жевали маис (по-нашему, кукурузу), потом пережеванное и сдобренное слюной сбражива-

лось и получалось инкское пиво – чича. И старики жевали маис для пива, и инвалиды, для всех находилось дело. Детей помаленьку приобщали к посильному труду, они стерегли посадки от птиц, учились стрелять из лука и всякое такое. А урожай инки снимали три раза в год.

Несмотря на то, что цивилизация инков, по сравнению с Древним Египтом, Грецией и Римом появилась на нашей планете не так давно и существовала недолго, загадок она оставила немерено.

Вот что рассказал Филипп Александрович о таинственном индейском народе в первый раз. Прозвенел звонок, и на этом наш языковед завершил, как он выразился, «Введение в инковедение», но пообещал, если будет оставаться время от основного предмета, рассказывать об инках.

Он был прост в общении, даже мягок. Но какая-то неприступность в нем существовала, представить себе фамильярность или панибратство по отношению к нему было невозможно. Между собой мы называли его Корш (сокращение фамилии), и он знал об этом. Однажды спросил, известно ли нам, кто такой Корш? Оказалось, в девятнадцатом веке Коршей было много: журналист, он же издатель, историк, врач, философ, еще какие-то деятели, а в Москве был театр Корша. Наверное, в университете, где наш Филипп Александрович преподавал, его называли так же. Но, когда я думала о нем, прозвище «Корш» мне казалось каким-то грубым, черствым, про себя я называла его Филом, потому что одна-

жды слышала, как к нему обратился наш ректор.

На лекциях Филиппа Александровича, Фила, мы слушали о фонеме, лексеме, морфеме, о синтаксических единицах и категориях, но кончалось все обычно рассказами об инках, об их городах и правителях, о том, как они жили и во что верили. Мы превратились в инкофилов, потому, что инки были в миллион раз занимательнее языкознания, и, конечно, из-за симпатии, которую невозможно было не испытывать к Филу и ко всему, что он любил.

«Сегодня будут индейские истории?» – спрашивал кто-нибудь. Фил благосклонно кивал: «После того, как разберемся в классификации языков».

Теперь я думала исключительно о Филе и о том, что «Введение в языкознание» когда-нибудь кончится, и я его больше никогда не увижу. А может, мне бросить пед и на следующий год попробовать поступить в универ?

Откуда они взялись и как нашли землю обетованную

В начале был Бог-творец, которого звали Виракоча.

Виракоча создал небо и землю, Солнце и Луну, а потом все остальное, вплоть до самой мелкой букашки и микроба.

Солнце звали Инти, а Луну – Мама Килья. Они были братом с сестрой, затем стали мужем и женой. А на ком еще мог жениться Инти, если, кроме Мама Килья, никого больше не было?

Солнце с Луной породили инков, которые вышли из священного и самого высокогорного на земном шаре озера – Титикака, чтобы принести на землю свет справедливости и просвещения. Имена этих инков – Манко Капак и Мама Окльо. Были они братом и сестрой, стали мужем и женой. А для того, чтобы они знали точно, где обосноваться, вручил им Инти золотой жезл и сказал: где он в землю войдет, там и оставайтесь.

Шли Манко со своей Окльо дни и месяцы, но нигде жезл не втыкался в землю. А Солнце с Луной тем временем сотворили им еще трех братьев, которые поженились на своих сестрах, догнали первородных Манко и Окльо и пошли вместе с ними. В дороге к путешественникам прибились еще какие-то родственники, которых первородные идентифициро-

вать так и не смогли, а затем начали присоединяться местные племена. Шествие стало очень внушительным, а возглавлял его Манко. Он нес в клетке золотого сокола, и это было нечто вроде удостоверения личности, чтобы все знали: идут сыновья Солнца!

По пути случилось два события. Одно плохое, одно – хорошее. Сначала хорошее. Мама Окльо родила наследника. А теперь плохое. Жена одного из братьев Манко – Мама Гуако, вздорная и коварная, настояла, чтобы муж ее вернулся в пещеру, где путешественники ночевали, и забрал забытый там золотой кувшин с семенами растений. Муж отправился за кувшином и не вернулся, но отряд, не заметив потери бойца, продолжал путь. Мама Гуако совсем не расстроилась из-за утраты мужа и вступила в половую связь с Манко. С тех пор у инкских вождей так и повелось: жена рожала наследника, а наложницы существовали для утех.

Но вот однажды путешественники достигли склона Уанакаури, где на вершине скалы была вырублена фигура священного коршуна (Корша!) До сего дня в Перу знают, где та скала и называют ее «уакой» – священным местом. Надо отметить, уак у инков было множество. Все, что хоть чуточку было необычно, обожествлялось. Здесь же, в долине меж двух речек, золотой жезл Манко сам попросился в землю.

Цель была достигнута, земля обетованная найдена. Однако населяли ее разные племена, и их надо было завоевать. Тут на сцену снова вышла злобная Мама Гуако. Она соб-

ственноручно убила воина враждебного племени и вырезала у него из груди сердце и легкие. Легкие она надула, как воздушные шары, и в состоянии невероятной экзальтации размахивала ими в воздухе, после чего племя в ужасе бежало, а инки обосновались в этой местности. Называлась она – Куско, что означает Пуп Земли, то есть Центр Мира. Куско стал главным городом инков.

НОВЫЙ ГОД

Иногда в пустой квартире мне было не по себе, но по маме я не скучала. Во-первых, она звонила каждый день, во-вторых, часто появлялась. Я была официально приглашена к ним на обед. Все, как в благородных семействах. Видимо, они решили, что по выходным я буду постоянно у них обедать. Нет уж, увольте. Сделала интересное наблюдение: когда мама говорит с Викентием, она преображается, в голосе появляется разнеженность и что-то совсем ей не свойственное, воркующее: «Викеша, Викеша...» И он: «Нюся, Нюсечка...» Меня раздражало их сюсюканье.

Неужели у них есть какая-то половая жизнь? Это невозможно. То есть, конечно, возможно, но думать мне об этом противно.

Если от обедов удавалось уклоняться, то от встречи Нового года не получилось, причем мама с Викентием собрались прийти ко мне: у них, видите ли, переночевать негде, квартира однокомнатная. А мне и не надо у них ночевать, я бы нашла с кем встретить Новый год, но мама сказала, что ей приятно побыть в родном гнезде, и я поняла, что она соскучилась по привычной обстановке. Ладно уж, пусть.

Тридцать первого декабря, в субботу, они с утра пришкандыбали с елкой. Мама тут же взялась за готовку, а мы с Викентием принялись устанавливать и украшать елку. Дом

наполнился вкусными запахами, веявшими из кухни, головами и звуками. На минуту мне стало жаль, что они не здесь живут. На минуту.

– Что нового в институте? – спросил Викентий.

– Смотря что считать новым, а что старым.

– Хорошо. Тогда вопрос по специальности. – Я почувствовала неприятный холодок под ложечкой. – Ты знаешь, какого числа были сделаны записи Поприщина в мартобре?

Дались же ему «Записки сумасшедшего»!

– Тридцать второго! – наудачу ответила я.

– Нет! – с торжеством сообщил он. – «Мартобря 86 числа. Между днем и ночью»! Этим числом датированы записки.

– Обалдеть! Нет слов!

Он удовлетворенно засмеялся и доброжелательно добавил:

– Ничего, ты еще подкуешься. Тебе еще учиться и учиться, чтобы учителем стать.

Как ни странно, раздражения я не испытала и с тем же дружелюбием, что и он, заметила:

– А кто сказал, что я собираюсь стать учителем?

Он искренне удивился: кем же я могу стать, если учусь в педвузе? Святая наивность! Я с опаской наблюдала, как Викентий брал неловкими руками хрупкие игрушки, некоторые сохранились еще с маминого детства, поэтому поручила ему распутать гирлянду. Разбираясь в проводах и подкручивая лампочки, он что-то неразборчиво, как большой кот,

мурлыкал. Прислушалась: «А я хочу тянуться в небо... Просто я такое дерево...»

Ага, значит, это у них семейное – «такое дерево»...

– Ну вот, – говорит, – принимай работу! – Воткнул штепсель в розетку, загорелись лампочки. – Так что там у вас в институте, ты так и не ответила.

– Да ничего там нет. Женихов нет. На курсе три занюханых парня, которых и приняли по гендерному признаку.

– По какому?

– По половому! Учителей мужчин не хватает, берут всех, кто попросится. Мне надо было учиться на технаря, там в гендерном отношении здоровые коллективы.

– А ты не спеши с женихами. Для такой красивой девочки женихи всегда найдутся.

С оценкой моей внешности спорить не стала.

– Ты на танцы ходишь?

– Теперь это называется не танцами, а дискотекой. На дискотеки я не хожу.

– И зря. Вот в военно-морских училищах бывают танцы, или дискотеки, как хочешь назови. Там знакомятся с порядочными парнями, на которых можно положиться, там нет прощелыг и обалдуев, и таких, по которым не понять, парень он или девка.

К военным морякам неровно дышит. Сына хотел сделать моряком, не получилось, теперь меня хочет за моряка выдать?

– Ну да, – согласился Викентий. – Я и сам мечтал стать моряком. Служил во флоте, в Севастополе, там с первой женой познакомился. И тесть у меня, между прочим, был капитаном.

– Что же вы не стали моряком?

– Первый курс отучился в училище Фрунзе, потом на практике позвоночник сломал, год в инвалидном кресле просидел. Думали, больше не встану. А я встал. Женился, сына родил. Только с морской службой пришлось распрощаться.

У них с моей матерью еще больше сходства, чем я думала. Она о педагогической династии мечтала, он о морской. И ничего не получилось.

– А почему с женой развелись? Или это не корректный вопрос?

– Почему же, корректный. А развелись, потому что характерами не сошлись.

– Она другое дерево?

– Вот именно, что другое. И я – другое. Не потому, что я лучше других деревьев. Разные мы. Я, знаешь ли, старомоден, как ботфорт на палубе ракетноносца, а она современная женщина.

Да уж, ботфорт так ботфорт. И они с моей матерью: два ботфорта – пара.

– Она хороший человек, – добавил Викентий, будто я в этом сомневалась, – когда в Севастополь поедем, я вас обя-

зательно познакомлю.

Размечтался. Может быть, он считает, что я с ними буду ездить в отпуск?

Провожать старый год сели в одиннадцать. Мать произнесла тост: год был, хоть и високосный, но счастливый, случилось много замечательных событий: я закончила школу и поступила в институт, а они – Нюсечка с Викешей – поженились, ну, и про перестройку, разумеется, хотя о перестройке можно было бы и помолчать, чтобы Горбачеву было о чем говорить в новогоднем обращении. Но, в общем, все правильно. Как здорово, что они поженились и слиняли. Пусть мама о Викеше заботится и ко мне не пристаёт.

Новый год встретили оригинально. Горбачев уже начал по телевизору поздравительную речь, когда погас свет: и лампы, и гирлянда на елке, и экран телевизора. Мы пришли в беспокойство. Мама начала поиски свечки, но замужество, наверное, отбило у нее память, не могла вспомнить, где она лежит. А мы с Викешей бросились к пробкам, я пыталась светить ему зажигалкой, пока не услышала голоса на лестнице. Выскочили на площадку, там уже стояли соседи, кое-кто со свечками. И на нижней площадке стояли, и на верхней. Во всем нашем подъезде не было света. Кто-то заорал:

– Сейчас начнут бить куранты! Несите бокалы! – Хлопнула пробка шампанского, потом еще одна. Викеша побежал за бокалами и шампанским, а кто-то принес транзистор на батарейках и искал Москву. Нашел. Горбачев уже желал нам

всего наилучшего, а Викеша вручил маме и мне бокалы, открыл бутылку и начал разливать шампанское.

– Кому налить? – прокричал он в общем гуле. Но все уже замолкли, слушая бой часов, а потом заиграл гимн, и все стали восторженно орать и поздравлять друг друга.

И тут зажегся свет. Из приоткрытых дверей зазвучали телевизоры. Из нашей – тоже. Раздался рев восторга. Соседи сверху в общей суматохе упустили кота, он ушел в открытую дверь. Народ отнесся к известию с пониманием, стал шагать вверх-вниз по лестнице, отовсюду доносилось: «Кис-кис-кис!», пока мама не обнаружила кота в нашей квартире, забившимся под тахту. Соседи решили продолжить праздник на улице, в парке, но моим хотелось телевизора и еды. А мне вдруг стало невообразимо скучно и грустно. С трудом уговорила отпустить меня ненадолго с соседями в парк. Правда, прежде мы развернули подарки, лежавшие под елкой. Мама была в своем репертуаре, она подарила Викеше шерстяные носки, а мне – рейтузы, хотя я просила ее: пожалуйста, деньгами! Проси – не проси... А вот Викеша подарил денежку, а маме – ничего себе! – флакон «Шанели № 5». Всегда мечтала понюхать. Мы тут же надушились. Ничего особенного. Я бы даже сказала, что это отдаленно напоминает освежитель воздуха. Разумеется, свои завистливые ощущения я оставила при себе, оделась и пошла на улицу без всяких соседей.

Кругом орали «ура», смеялись, пуляли петардами. От их

хлопков бесперебойно срабатывали сигнализации машин. Вот такая шла потеха. В темный парк в одиночестве не сунулась, не сумасшедшая. Окна домов были освещены, где люстрами, где елочными гирляндами, и я стала ходить и рассматривать, что там делается, за окнами. Из одного доносилась музыка, и показалась она мне печальной и прекрасной до слез. Людей рядом не было, я встала под самым окном и слушала. Это была моя музыка. Но неожиданно она закончилась, и тут же зычным голосом запела Маша Распутина. Я спаслась от нее бегством, унося в голове свою музыку. Наверное, это была мелодия Морриконе.

В другом окне, на первом этаже, сидела маленькая собачка непонятной породы, мы уставились друг на друга и долго так смотрели. Мне казалось, что я самая одинокая и несчастная на свете. Фил, конечно, праздновал в кругу семьи, наверное, там было весело и танцевали. А потом я подумала: все-таки я натуральная свинья, мне бы надо быть счастливой, что мать наконец-то кому-то нужна, кто-то ее любит и дарит «Шанель № 5». Вот меня никто не любит и ничего подобного не дарит и подарит ли...

Я все еще пялилась в окно с собачкой, пока не обнаружила, что ее уж нет. И тоже пошла домой. Попыталась вспомнить мою музыку и не смогла. В голове с неукротимой энергией звучало: «Я родила-а-ась в Си-бири...» И чтобы это перебить, я запела вслух:

Ах, я сама, наверно, виновата,
Что нет любви хорошей у меня.

Мои сидели за телевизором. Потом с мамой помыли посуду, она говорит:

– А эта «Шанель» – ничего особенного. И не стойкая. Времени прошло всего ничего, а осталось одно воспоминание. И вот еще что... – Она испытующе посмотрела на меня. – Насчет любви хорошей. Есть она у тебя или нет?

Я ответила честно:

– Конечно, нет. Когда есть, это всегда видно.

Потом она пошла в свою старую комнату, а я в свою. Долго стояла у окна. На улице шел снег, медленный, лохматый, по-настоящему новогодний.

* * *

Первого января мама с Викешей уехали, а у меня осталось много еды, я позвала Наташку, она привела с собой девчонку с курса, они принесли красивые иностранные бутылки с алкоголем, и мы устроили то, чего так боялась моя мама: бардак.

Мне очень понравился молочного цвета с желтоватым оттенком густой банановый ликер. Еще я дегустировала красное сухое вино и коньяк. Потом мы пели под гитару, одна наша лихо бряцала на трех аккордах. Пели все подряд: «Я

ехала домой, душа была полна...», «Гудбай, Америка, о-о-о, где я не буду никогда...», «Я люблю тебя жизнь, что само по себе и не ново!» Пели всем коллективом с громадным чувством, пока в дверь не позвонили. Мы испугались, но дверь-то все равно надо открывать. А там соседи снизу, и тут же на площадку Калерия вылезает, эта всегда тут как тут. Я говорю:

– Ко мне девочки пришли к экзаменам готовиться...

– Мы так и подумали, – говорят соседи.

Орать мы, конечно, перестали. Сначала пели шепотом, потом я лежала в объятьях унитаза, точнее, он стоял в моих объятьях, потом еще в чьих-то. А на другой день – ужас, голова лопается, в глазах чертики скачут, и снова мысли об унитазе. А тут мама звонит с выговором. Калерия-Холерия настучала!

– Подумаешь, – говорю, – и попеть нельзя... Да не пили мы! Мы пели.

Числа пятого мама снова по телефону:

– Понимаешь, какая дурь приключилась... Даже не знаю, что делать. Я про «Шанель». Она практически ничем не пахла. Пахла, конечно, ты же помнишь, каким-то разведенным одеколоном. И я показала эту проклятую «Шанель» нашей Ольге из лаборатории, она в таких делах спец. Ольга утверждает, что это бессовестная подделка. Принесла мне понюхать флакончик с настоящей «Шанелью», там – да, сразу понятно. Викентий купил эту у каких-то пройдох в Апрашке.

Кучу денег угрожал, не признается сколько. Вот я и думаю, сказать ему, что это туфта, или не говорить? Может, не надо его расстраивать?

Я вспомнила лицо матери, когда она открыла коробочку с флаконом. И лицо Викеши. Уж не знаю, кто больше был счастлив. И впервые моя авторитарная мать обратилась ко мне за советом и сочувствием. Я не заблуждалась, совет советом, а поступит она все равно, как сочтет нужным. Однако интересный психологический, так сказать, поворот.

– А он будет спрашивать, почему ты не пользуешь его «Шанель», что ты ответишь?

– Найду, что ответить. Только я думаю, если не рассказать, то он еще что-то подобное учудит. Не надо поощрять его к самостоятельным покупкам.

Как всегда, она была права. Конечно, безумства, сопряженные с риском, особенно материальным, надо предупреждать и исключать. «Однако, бедный Викеша», – подумала я и порадовалась, что почти свободна от материнского диктата, многое уже могу решать сама, а после первого курса, когда перейду на заочное, стану работать и освобожусь от материальной опеки, буду совсем независимой и отдельной.

Мопассан и Винни-Пух

С опасностью для репутации украдал фотографию Фила из студенческой газеты. Газета висела в коридоре, который почти никогда не оставался пустым. Выслеживала ситуацию, как охотник зверя, а потом – раз! – бритвой чик-чик! – и под свитер. Теперь портрет лежал, можно сказать, у меня под грудью, где сердце. Правда, лежал не один, а с целым залом людей и с трибуной, на которой он стоял и выступал 25 января по случаю Дня студентов.

Дома я держала портрет в ящике стола, потому что часто без предупреждения появлялась мама или заходил кто-то из девчонок. Все время открывала ящик и смотрела на Фила.

Славик, один из наших курсовых парней, спросил Фила, читал ли он в детстве книги про индейцев.

– Я даже роман начал писать классе в шестом или в седьмом и целую школьную тетрадку исписал. Он начинался так: «Жизнь моя текла, как Миссисипи...» А до всяких Майн Ридов и Шульцев была книга, которая так и осталась любимой на многие годы. Она о канадских мальчишках, которые играли в индейцев. Книжка называлась «Маленькие дикари» и написал ее Сетон-Томпсон. Кто-нибудь читал Сетона-Томпсона?

Никто, кроме меня, не отозвался:

– Я читала. Рассказы о животных.

– Хорошие рассказы. А вы какую книжку любили в детстве? – задал он вопрос Славику.

– Совсем в детстве? Про Винни-Пуха любил, – ответил он.

– А вы? – Это вопрос соседке Славика.

– «Волшебник Изумрудного города»! – сказала она.

И тут все захотели сообщить о своей любимой детской книжке:

– Карлсон!

– Японские сказки!

– Рассказы Носова и Незнайка!

– Драгунский!

И вдруг Фил остановился прямо напротив меня и спросил:

– А ваша любимая книга детства?

И я, словно под гипнозом, ответила:

– «Жизнь» Мопассана.

Кто-то засмеялся, но, в общем, воцарилась тишина.

Что меня подвигло такое сказать? Почему я вспомнила теплый летний день и книжку на скамейке в парке? Я открыла ее и сразу наткнулась на абзац, который меня заморозил. Там говорилось о женщине, которая вместе с мужчиной пила из родника, и поцелуи их лились вместе с родниковой хрустальной водой, а потом – сердце трепетало, грудь вздымалась, он заключил ее в объятия, она опрокинулась навзничь и зарделась от стыда...

Это – оно самое, поняла я, тайное, и это надо читать, что-

бы мама не видела. Я прочла книжку внимательно от корки до корки, она меня поразила и так запала в голову, что до сих пор я хорошо помнила все, вплоть до описаний природы. Хотя Карлсона я тоже любила, и Носова, и Андерсена.

– Это уже в отрочестве, наверное? – спросил Фил.

– В четвертом классе, – призналась я. – Но читала я не потому, что там эротические сцены. Просто попалась случайно, а там взрослая жизнь, там природа описана очень хорошо. Эта книжка мне не повредила, то есть не испортила меня. В том самом смысле. А в человеческом и в художественном отношении, мне кажется, она полезнее, чем «Что делать?» и «Как закалялась сталь».

Говорила я лихорадочно и думала: что же я болтаю такое... И все молчали. А Фил выслушал и сказал:

– Это интересно. Думаю, я вас понял.

И все опять загалдели.

– Ну, ты даешь! – сказала Наташка после занятий, когда мы спускались в гардероб. – Ты, правда, не из-за эротики читала?

– Из-за эротики тоже.

– Разумеется, – согласилась Наташка и заржала. – И верю, что она тебя не испортила. Книги не портят, портят люди.

Вечером я нашла рассказы Сетона-Томпсона, как и многие детские книги в нашем доме, она сохранилась с маминого детства. Рассказы были хорошие, но раньше они мне больше нравились, а теперь показалось, что написано слиш-

ком просто.

В субботу пошла в библиотеку и взяла «Маленьких дикарей». Поначалу я совсем разочаровалась, это была обычная детская книжка, без литературных изысков, к тому же устаревшая какая-то. Но потом вчиталась и поняла, почему Фил любил ее. Герои-мальчишки оказались в лесу одни, их навещал старик и учил строить настоящее индейское жилище, добывать огонь, охотиться и шить мокасины из шкур. Этот старик когда-то жил с индейцами и хорошо знал их быт. Конечно, мальчишке, я имею в виду Фила, который не испытал ничего подобного, не сидел ночью у костра и не стрелял из лука, такое повествование могло нравиться. И мне оно тоже понравилось, потому что нравилось Филу, когда он был маленьким. Но что греха таить, выросла я из Сетона-Томпсона. Меня уже привлекали другие книги.

В той же книжке Сетона-Томпсона была еще одна повесть «Моя жизнь». Я не собиралась ее читать, а взялась, потому что долго не могла заснуть, да так и не остановилась, пока не дочитала до конца. Я поняла, откуда взялись «Маленькие дикари» – из его собственной жизни. Даже разные детали были взяты прямо из жизни, просто он откорректировал свое детство, придумал кое-что, довел до мальчишеского идеала. Но «дикарей» я уже не вспоминала, мне понравилась взрослая повесть. Она была бесхитростна, как описанная в ней старинная жизнь канадской глубинки. Этот писатель оказался мне близок. Он любил природу и все живое. Он оставил мно-

готовные дневники, в которых с детства фиксировал свои наблюдения за природой, живыми существами, за изменениями погоды. Поймает птичку, пересчитает перышки и запишет.

«30 октября. Внимательно пересчитал перышки на черной иволге:

Голова 2226

Задняя поверхность шеи 285

Передняя поверхность шеи 300

Грудь и вся нижняя сторона 1000

Спинка 300

Каждая нога по 280-560

Маховые перья 44».

Так он птиц изучал. В детстве я тоже собирала цветы, считала лепестки и тычинки. У меня и сейчас есть альбом с претензией на научную работу. На обложке выведено: «Изучение цветов. Писала Николаева Лиза». Было это примерно в том возрасте, когда я читала Мопассана.

«9 мая. Удельный парк.

Чистяк. *Похож на ромашку. Цвет – желтый. Лепестки – 8-13. Тычинки – до 28-37. Пестик – 1. Листики – сердечком.*

Гусиный лук. Похож на маленькую лилию. Цвет – желтый. Лепестки – 6. Тычинки – 6. Пестик – 1. Листики – длинные и тонкие».

И т. д.

На каждой страничке рисунок описанного растения: общий вид, цветок, листок, пестик и тычинки. Зарисовать корень меня никто не надоумил.

Я, конечно, не сравниваю себя с Сетоном-Томпсоном, просто я тоже любила наблюдать природу и имела склонность к систематизации.

И вдруг впервые я подумала: почему пошла на филфак? Мне надо было поступать на биофак!

«Победа» у канадских индейцев звучала так: «Ку», а большая победа – «Гранд ку». Как не вспомнить фильм «Киндза-дза», кстати, полный бред и сюр.

Я не мечтаю добывать огонь трением и шить мокасины, я бы хотела сидеть у костра вдвоем с Филом и разговаривать, разговаривать, чтобы лес наступал на нас со всех сторон и оставалось только малое пятно света от огня, чтобы искры алыми змейками поднимались в звездное небо, и потрескивали в пламени ветки. И так всю оставшуюся жизнь.

Ку!

* * *

Фил написал какие-то книжки, однако сказал, что не может посоветовать нам их читать, они научные, интересные только людям, которые занимаются языками. Я все равно искала их в «Старой книге» и в библиотеке, но безрезультатно. Почти после каждой своей лекции Фил рассказывал нам

про инков, мы любили эти рассказы гораздо больше языкознания. Он рекомендовал нам самую лучшую книжку про инков, которую я тоже не могла достать. Автор этой книжки Гарсиласо де ла Вега, метис, отец его был испанцем, а мать из семейства инкских вождей. Он родился через шесть лет после распада империи, до двадцати лет жил в Перу, потом в Испании, был хорошо образован и написал все, что знал о Тауантинсу́йу из рассказов родственников и стариков-инков.

Испанские колонизаторы уничтожили не только империю, но и ее историю. Особенно над искоренением памяти об индейском прошлом трудились миссионеры, обращавшие инков-язычников в христианство. Однако надо отдать должное тем испанцам, кто пытался узнать и записать историю побежденного народа. И тут они столкнулись с большими трудностями и очередной загадкой. У инков не было письменности.

В Тауантинсу́йу существовали учителя и школы, преподавалась медицина, математика, астрология, кроме того, инки были большими спецами, прямо-таки чемпионами, по статистике. Они учитывали каждое селение в огромнейшей стране, каждый дом, каждого человека, причем знали, где и сколько проживает мужчин, женщин, стариков и детей, сколько воинов в армии и «в запасе». Сколько в империи чиновников, жрецов, знати и родни царствующих особ. Сколько ремесленников, и каким ремеслом они владеют. Сколько лам и викуний пасется на горных склонах и в долинах. Сколько существует хранилищ для продовольствия и кладо-

вых с разными предметами обихода. Урожай был сосчитан до последнего зернышка и корнеплода. Говорили, что в стране не существует даже пары сандалий, которая не была бы учтена.

Где же все это фиксировалось? Оказывается, на веревочках с узелками, которые в свою очередь были привязаны к другой веревочке и свисали в виде бахромы. Такие связки называются кипу. Разные узлы и разный цвет веревочек, да еще подвески (камешки, корешки и пр.) на их концах можно использовать для подсчета чего угодно и даже для выполнения математических действий. Беда в том, что кипу осталось очень мало, они сжигались миссионерами, как шаманский реквизит. Однако Фил уверял, что в кипу не только цифры запечатлены, но и разные сообщения, только прочесть их некому. И будто были разные кипу: календари, сведения по истории, своды законов, судебные решения, азбука и молитвенники, карты земные и небесные, разные записки для памяти, возможно, сказки, стихи и письма.

Наверное, это был не единственный способ письма. Считается, что орнаменты на старинных инкских тканях тоже письма. Полотна расчерчены квадратами, это похоже на страничку тетради в клеточку. А каждая клеточка заполнена геометрическим рисунком. Рисунки повторяются. Иногда квадраты идут сплошняком, иногда – в линию. Подобные орнаменты есть на одежде – плащах и рубашках, и называются они токапу. Есть такие орнаменты и на ритуальных кубках –

коро.

Кто расшифрует эти загадочные письмена-узелки и загадочные орнаменты – тот офигенно прославится.

Преобразователь мира, Пуп Земли и Золотой сад

Вождей инков называли Инками (с большой буквы), Сапа Инка – Единственный Инка – почетный титул. Самым великим Сапа Инкой был Пачакути – девятый правитель. Начало его правления стало первой достоверной датой в истории Тауантинсуйю.

Пачакути был законным наследником, но нелюбимым сыном вождя. Словно простолудин, он пас в долине стадо лам, пока однажды Куско не осадил враг. Инка с любимым сыном (он же незаконный наследник, сын наложницы) испугались, бежали и укрылись в крепости. И тогда против вражеского войска выступил принц-пастух и одержал победу.

Как его встречала столица! Дома были украшены коврами и гирляндами цветов. Под музыку военных флейт, бой барабанов и вой труб, под пение гимнов, шагали военачальники и рядовые. Вели раздетых донага пленных солдат. Восемь силачей несли триумфатора на золотых носилках, обрамленных арками и усеянными драгоценными камнями. Пленных офицеров тоже несли, потому что сами они ходить не могли, из них сделали «барабаны»: выпотрошили, набили травой ичу, руки сложили на животе, и при движении они выбивали дробь. Так было принято. А еще было принято делать

из костей побежденных флейты, из черепов – кубки.

Когда достигли столицы, на главной площади совершили жертвоприношения и положенные ритуалы. Пленные были повержены в пыль, а Пачакути победно прошелся по их спинам. Отца он тоже наказал: тот принародно просил прощения, валяясь в ногах сына, а затем пил чичу из ночного горшка. Впрочем, потом отец тихо жил в неизвестности, никто его не трогал, а сын вошел на престол, именно тогда он взял себе имя Пачакути – Преобразователь Мира. И начал преобразовывать мир.

Знаменит Пачакути тем, что расширил свою державу, первым дошел до океана, и, как рассказывают, привез в Куско удивительный трофей – кита. Он создал из разных племен единый народ, учредил законы и провел реформы во всех областях жизни. Главным богом знатных и образованных людей он объявил бога-творца Виракочу, а бога Солнца Инти, не принижая его, оставил народу. Есть такие соображения, что нечто подобное произошло и с языком, то есть появился некий тайный диалект, которым владели царствующие особы и их окружение. Кроме военного дела, политики, экономики и теологии Преобразователь не был чужд филологии и литературы, сочинял стихи и афоризмы, а также занимался градостроением. Пачакути был настоящим человеком Возрождения инкской цивилизации.

Старый обветшалый Куско Преобразователь разрушил и построил новый. Теперь в центре вместо убогих хибар по-

явилась площадь Радости для проведения торжеств и военных парадов, и Храм Солнца – Кориқанча. Это сооружение из многотонных камней никакие землетрясения не могли поколебать. Храм покрыли пластинами золота, золотой бордюр обхватывал его в виде короны, алтарь венчал огромный золотой диск Инти с мужским лицом, обрамленный лучами. По обе стороны зала на золотых тронах сидели уже умершие Инки, сыновья Солнца – мумии, завернутые в ткань, с золотыми масками на лицах.

К главному храму примыкали еще пять, посвященных остальным богам инков. Второе по значению святилище было предназначено для Луны, матери инков – Мамы Килья. Здесь все было серебряным, на алтаре – серебряный диск с женским лицом, а по сторонам зала сидели мумии царственных дам. Другие храмы были отданы Венере, Молнии, Грому и Радуге.

В Кориқанче было много разных статуй и украшений из золота и серебра, с изумрудами и бирюзой. Здесь же находились божества всех племен, составлявших империю. Таким образом, инки не только покоряли племена, но и завоевывали их доверие.

Кроме этих храмов в центре были другие молельни, дворцы вождей и жрецов, но более всего потрясал воображение сад, примыкавший к Кориқанче. Здесь было все, как в жизни. Мужчины и женщины обрабатывали кукурузу и бобы, пасли лам, ткали, пряли, шили одежду. Только сами они и

все, что их окружало, было сделано из золота и серебра в натуральную величину. По земле ползали золотые змеи и ящерицы с изумрудными глазками, а на ветвях деревьев сидели золотые птицы. Каждый листочек на деревьях, каждый цветочек, травинка, улитки и бабочки, подвешенные на золотой проволоке, были выделаны из золота. И все это горело и сверкало во славу Инти, дающего свет и жизнь.

* * *

Фил бывал в Куско, но теперь это совсем другой город, а тот, что существовал при инках, разрушили завоеватели. От древнего Куско остались куски стен из многотонных монолитов и фундаменты, на которых испанцы построили свои дворцы и храмы. Сохранились остатки когда-то огромной и мощной крепости, охранявшей Куско, которую, как говорят, начал строить Пачакути.

– Ну а Золотой сад – это, конечно, легенда? – спросили мы.

– Почему же легенда? – возразил Фил. – Золота в стране было очень много, и обработчиков золота, самых разных по уровню мастерства, тоже много. Когда конкистадоры вошли в Куско, они первым делом разграбили храм, сняли со стен золотые пластины, забрали статуи и украшения, уничтожили Золотой сад, и все это переплавили в слитки, чтобы сподручнее было разделить добычу. Известен случай, когда ис-

панец, присвоивший себе золотой диск Солнца с алтаря Кори-канчи, в тот же вечер проиграл его в карты. По рассказам того, кто видел Золотой сад, выглядел он полным подобием жизни. Хотя, конечно, надо учитывать своеобразие мировос-приятия индейцев Анд, их мышление, оно более абстракт-но и ассоциативно, чем у европейцев. Могу предположить, что скульптурные изображения были не такими, как мы себе воображаем, наверное, менее реалистичными, более декора-тивными.

Конечно, всех интересовало, как делали мумии вождей? Какой состав использовали для бальзамирования? Но это то-же осталось тайной инков. Внутренности удаляли, оболочку набивали тканью и травой ичу, затем подвергали высушива-нию, потом промерзанию, опять высушиванию и т. д., и ста-новились мумии твердыми и легкими. Подобным же обра-зом заготавливали впрок картофель. Инки свято чтити пред-ков. Некоторые индейцы до сих пор держат дома останки ро-дичей, как мы держим иконы, и поклоняются им. Фил видел такое в одной горной деревушке.

Я никогда вам не скажу...

Разведала, где живет Фил, на какой улице, но номера дома не знала. Типичный старый Петербург. Дома с обшарпанными, пораженными питерской плесенью стенами, с лепными мордами и орнаментами на фасадах, башнями, подворотнями, проходными дворами. Пробежала рысью всю улицу, страшась, что он может выглянуть в окно и увидеть меня. Сколько здесь было окон! И второй раз приехала, прошла по улице деловым шагом. Опять боялась, что он меня увидит. В темноте тайные путешествия можно совершать без труда, но уже стояли белые ночи.

Шла и повторяла строчки из стиха, сочиненного Танькой Васильевой:

Я никогда вам не скажу,
Как я бродила вашей улицей,
Как перестала быть я умницей,
А имя ваше все твержу...

Стихотворение Танька написала, когда влюбилась в нашего физика. У него была натуральная козлиная бородка. Но, как говорят, любовь зла. «Умницей» (если я правильно понимаю, что имела в виду Танька) она не перестала быть, а женатый физик, конечно же, никогда не узнал, что Танька

была в него влюблена и бродила его улицей, тем более улица, где он жил, шла напрямиком к нашей школе, так что хочешь – не хочешь, а бродить по ней приходилось.

Танькина, детская, как я считаю, любовь случилась в восьмом классе. Не знаю, кем Танька себя, а главное его – физика, воображала, потому что мечтательно повторяла стихи Блока: «Когда вы стоите на моем пути, такая живая, такая красивая...» И т. д. В общем, все это трогательно и смешно. Но я-то, великовозрастная девица, на полном серьезе повторяла ее стих – лейтмотив моего состояния. На улицу Фила меня тянуло как магнитом. О каждой встречной красивой женщине я думала: может быть, это его жена.

Приближалась сессия. Экзамен по языкознанию. Расставание. По слухам, Фил не скупился на хорошие отметки. Но я-то хотела сдать на твердую пятерку, не опозориться. Обычно у меня не было проблем с короткой памятью. Накануне экзамена пробегала глазами учебник, страницы отпечатывались в голове, сдавала зачет или экзамен, а через неделю все улетучивалось, табула раса. Но тут какая-то непруха: во-первых, я больше увлекалась инками, чем языкознанием, во-вторых, читала учебник, читала, но ничего в башке не оседало. Наверное, на нервной почве. Ночь перед экзаменом не спала, задремала под утро, а будильник не прозвенел: то ли неправильно завела, то ли выключила и снова отрубилась.

Очнулась в десять, оттого что почувствовала острую боль в верхней губе, схватила за нее, под пальцами оказалось

что-то сухое и жесткое, оно свалилось на подушку.

Оса!

Помчалась к зеркалу. О ужас! Губа разбухла прямо на глазах. Катастрофа! Экзамен шел уже целый час, мне нужно было бежать туда, лететь, но не могла же я показаться в институте с раздутой губой? Я металась по квартире, наскребла в холодильнике снегу, которым обросла морозилка, приложила к губе. Как мертвому припарки.

В конце концов замотала физиономию платком и в таком виде явилась в институт. Вытянула билет и пошла отвечать без подготовки, мычала что-то в платок и получила пятерку, хотя совсем ее не заслуживала. Наверное, он меня пожалел, ему сказали, что меня укусила в губу оса. Дополнительных вопросов он не задавал.

Пришла домой. Вот и все. Конец языкознанию, конец любви.

Я никогда вам не скажу, как я бродила вашей улицей...

Кто шагает дружно в ряд?

Экзамены пролетели, как чайки за окном. Почему-то чайки массово появляются у нас летом, а галки наоборот: весной исчезают, к зиме – тут как тут. Вороны шастают круглогодично. Я наблюдаю за птицами из окна. У нас водятся синицы, дрозды, зяблики, дятел в красной шапочке, зимой прилетают стайки свиристелей, летом стрижи нарезают в небе круги, трясогузки бегают по дорожкам, ну а голуби и воробьи – эти везде и всегда тусуются. В детстве видела в парке заснеженный куст весь в снегирах, как в красных яблоках. Но с тех пор их не было.

Дом наш построен после войны и расположен напротив «Светланы». Он похож на огромную крепость с квадратным внутренним двором. Со стороны проспекта могучий гранитный фасад с двумя двойными высоченными арками и двумя широкими башнями по бокам. Дом занимает целый квартал и даже значится под тремя номерами, что никак не влияет на единство его архитектуры. Южной и западной сторонами он выходит в Удельный парк, а вдоль северной – идет Нежинская улица, названная по имени города Нежина, где Гоголь учился. До позапрошлого года, когда наконец-то поставили в городе памятник, шутили, будто, это единственное место в Питере, посвященное Гоголю.

Нашу двухкомнатную квартиру с большой кухней полу-

чил от «Светланы» дедушка, в доме жили и до сих пор живут много светлановцев. У нас на кухне стоят «казенные» круглый стол и два стула, с изнанки у них остались тонкие жестяные бирки. Эту мебель выдавали, когда люди въезжали в новые квартиры и в общежития, в пятидесятые годы с мебелью были проблемы. Потом (лет через десять?), когда люди обзавелись новой мебелью, старую, «казенную» сдавали, а кто хотел, выкупал ее за копейки.

В комнате с балконом жили дед с бабушкой, в другой – мама с папой и я. Потом погиб папа, умер дедушка, а потом мы осталась без бабушки, и мама перебралась в ее комнату. Была полным-полна коробушка, а теперь – я одна.

Начало каникул я провела в читальном зале Публички. Наконец-то добралась до «Истории государства инков» Гарсиласо де ла Вега. Великая книга. И толстенная. Но когда мне что-то интересно, я быстро читаю. Прочла Гарсиласо и не знала, что делать. Валялась на тахте с романами Агаты Кристи о Пуаро.

Подружки разъехались кто куда. Даже мать с Викентием отвалили в Крым, под Севастополь. Тоска усугублялась совершенным одиночеством. Из квартиры я устроила свинарник, поскольку мать меня не контролировала. Готовить еду и даже разогреть что-нибудь было в облом, пила чай или кефир с булкой, ела зеленый горошек с майонезом или консервы прямо из банки. И томилась, лелеяла свою печаль. Но долго так продолжаться не могло, потому что я сильно ого-

лодала и стала мечтать о чем-то вроде куска жареного мяса. Пищевые мечты воплотились в реальность, когда вернулись мама с Викентием и привезли продукты, а потом я уехала в пионерлагерь, куда устроилась на вторую и третью смену вожатой.

Зарплата в лагере была мизерной, зато трехразовое питание и свежий воздух. Кругом сосновый лес, под соснами разбросаны домики, среди которых возвышалась четырехугольная оштукатуренная башня, ее называли Донжоном, как зовется главная башня в феодальном замке. Здесь было обителище начальника лагеря, подполковника в отставке по фамилии Дронов, за глаза, разумеется, его звали Драконов. Со своей верхотуры Драконов озирал вверенную ему территорию, а каждый вечер после отбоя у него собирались главы всех отрядов на «разбор полетов». У подножия Донжона находился плац для линейек, где каждое утро со звуками горна взвивалось на флагштоке красное полотнище. На плацу Драконов проводил строевую подготовку, а мои мальки, пятый отряд, маршировали с кричалками:

Кто шагает дружно в ряд?
Пятый, лучший наш отряд!
Кто идет?
Мы идем!
Кто поет?
Мы поем!

И бодро запевали:

Мы шли под грохот канонады,
Мы смерти смотрели в лицо...

Вожатство вызывало во мне совершенное неприятие, у меня отсутствовало педагогическое призвание. Достался мне самый младший октябрятский отряд – семилеток-восьмилеток, а это значило быть нянькой в прямом смысле слова: развлекать, кормить, вытирать носы и попы, каждый день по утрам вывешивать на забор два описанных матраса и простыни Степанова и Гусейнова, иногда к ним добавлялась постель Машки Лабузенко. Раз в неделю детей возили на автобусе в поселок мыть в бане. Мы со второй вожатой, Сонькой, надевали купальники и мыли девочек и мальчиков, а потом следили, чтобы они оделись, и расчесывали девчонкам волосы. После отбоя надо было уложить детей спать, рассказать сказку, подоткнуть одеяла.

Кроме нас с Сонькой в отряде была воспитатель – Ни-на Михална, тетка пенсионного возраста. Никаких добрых чувств ко мне она не испытывала, потому что все чувства взаимны, кроме любовных, которые тоже не обязательно взаимны.

Сонька перешла в десятый класс и вообще не имела права работать, вот только работать было некому, а училась она в классе с педагогическим уклоном и по окончании, кроме ат-

тестата, должна была получить какой-то документ для трудоустройства в детсаду. Но что интересно, у Соньки было призвание. Она с удовольствием возилась с детьми, была мамкой-нянькой, и они ее обожали, висели на ней гроздьями. Меня любить было не за что.

Наша с Михалной и Сонькой комната находилась посередине двух палат. В одной спали девочки, в другой – мальчики. Их палаты выходили в коридоры с вешалками для верхней одежды и полками для обуви, а ночью заполнялись ночными горшками. Когда мы загоняли мальков в постели, и двери на улицу закрывались на ключ, Михална шла на «разбор полетов», а мы с Сонькой – в палаты, сказки рассказывать. По очереди, день я девочкам, а она мальчикам, потом наоборот. И тут все желали меня, хотя сказок я не рассказывала. Я рассказывала про инков.

Из этих рассказов получались классные сказки. Например, про полководца Ольянтая, который влюбился в принцессу Куси Койлор – Смеющуюся Звезду, и просил ее руки у Инки. Однако Ольянтай получил отказ, ведь был он из народа. Смеющуюся Звезду отец заточил в монастырь – «Дом невест Солнца», где она родила дочку, а Ольянтай поднял против Инки восстание. Был в сказке и слуга – Быстроногий, и вероломный полководец – Каменный Глаз, который выступил против Ольянтая, в общем, много чего случилось и много лет прошло, пока все устаканилось. Старый Инка умер, а Ольянтай вернулся в Куско, получил свою Смеющую-

юся Звезду и дочь, Иму Сумак. Фил говорил, что такое имя взяла себе перуанская певица, которая была популярна во времена его юности, у нее был уникальный голос – четыре октавы, она выла и рокотала, как река Урубамба в грозу, и свистела тонко, как редкая птица коракенке, перья которой украшали головной убор инкских вождей.

Я рассказывала про загадку пустыни Наска с огромнейшими рисунками-геоглифами, которые изображают земных птиц, обезьян и пауков и протянулись на километры. Рассмотреть геоглифы можно только с самолета, и их считают взлетными полосами инопланетного космодрома. Фил не верит в инопланетян, а для чего служили эти рисунки, и кто их сотворил, не знает. Он считает, что ответ нужно искать на земле, и в этом должны помочь раскопки. Однако детям я, конечно, рассказывала сказку о пришельцах, как они построили в пустыне космодром и хотели уничтожить индейцев, но ничего у них не получилось.

Из камней Ики я тоже сделала сказку, потому что она напрашивалась. А правда такова. Один врач из города Ики собрал колоссальную коллекцию черных и серых камней с гравировкой. Камни разной величины, есть небольшие, есть неохватные. Доказана древность и камней, и гравировки, но рисунки объяснению не поддаются. На них – люди и звери. Эти звери – динозавры! Изображены охота на динозавров, хирургические операции по пересадке органов, человек, что-то рассматривающий в лупу, и астроном, глядящий на

звезды в подозрную трубу. Будто бы смешались все времена, прошлое, настоящее и будущее. Некоторые рисунки повторяют геоглифы Наски. Подделки? Но сколько художников и за какое время смогли бы в тайне подделать двенадцать тысяч камней?

Рассказывала я, и сама балдела от своих рассказов. Во-первых, они мне нравились, потому что были овеяны воспоминаниями о Филе. Во-вторых, день кончался, заботы кончались. Я не торопилась, предвкушала, как вырвусь отсюда и окажусь у Сандры, в другом мире.

* * *

Сандра была похожа на Пьера Ришара, высокого блондина в черном ботинке: с коломенскую версту, волосы, как водоросли, на язык не сдержана, и очень-преочень для меня интересна. Сандра работала в лагере художницей и была на привилегированном положении. Она обитала в отдельном домике с жилой комнатой и мастерской, где малевала плакаты, лозунги и декорации для самодеятельного театра, проводила занятия кружка рисования и макраме. Для кружка мягкой игрушки ей привезли с фабрики «Рот-Фронт» несколько мешков меховых обрезков из песка, лисы, каракуля, мутона и разной искусственной дряни. Сандра шила с детьми игрушки, но все хорошие и размером более ладони лоскуты меха пустила на изготовление суперэсклюзивной сумки и

ковра с саамским, как она утверждала, орнаментом. Когда старшая пионервожатая заикнулась, что ковер надо повесить в ленинской комнате, Сандра выпучила глаза, резко выбросила вперед руку с фигой и сказала нечто нецензурное. Сандра вообще много себе позволяла, она считала себя бесценной находкой для лагеря и была абсолютно права.

– Едрен батон! Да за такую-то зарплату мне должны завтрак в постель подавать! – говорила она.

По вечерам в домике Сандры собирались для посиделок избранные, приносили что-то вкусное и бутылку-две вина.

У Сандры все было оригинальным. В комнате, где она жила, отсутствовало электричество, а с потолка, вместо лампы, спускались на канатах качели с большим квадратным, сбитым из досок, сидалищем. Днем качели закидывались за штангу на стене, вечером опускались. Такой у нас был необычный стол, а свет – от керосинового фонаря «летучая мышь» и свечей в бутылках, истекающих затейливыми потоками по горлышкам.

Стулья и шкафчик у Сандры были расписаны, на потолке приклеены звезды, которые светились в темноте, а над письменным столом плакат с цитатой:

«Человек никогда не бывает так счастлив или так несчастлив, как это кажется ему самому.

Ларошфуко».

– Кто такой Ларошфуко? – спросила я у Сандры.

– Какой-то старинный французский мужик, философ. Это

изречение от предшественников осталось.

Второе изречение, оставшееся от предшественников, висело над окном.

«С точки зрения банальной эрудиции каждый локальный индивидум стремится к симбиозу личности, поэтому ваше предложение тривиально.

Народный мыслитель».

Сандра ко мне относилась дружески, кажется, даже выделяла меня. Думаю, это началось после того, как я выступила по художественной части.

О дне рождения Сандры я узнала утром и тут же приготовила подарок. В кладовке валялся тигр – большая ободранная игрушка, у которой из боков торчали куски ваты, а глаза были вырваны. Я засунула вату внутрь, торчащие куски ткани натянула и прихватила нитками, потом облепила основу серыми паутинными катышками репейника, приколола глазки – васильки, а вместо носа – сосновую шишку. Фигура казалась мрачной, поэтому я украсила спину тигра оранжевыми пятнами, приделав с помощью булавок головки календулы. Сделала и сама ужаснулась этому монструозному зверю.

Однако Сандра оценила оригинальность изделия, и мой успех явно перешагнул порог ее мастерской, потому что вскоре меня пригласили сделать что-нибудь эксклюзивное для вожатой третьего отряда. Я с удовольствием согласилась, на законном основании удалилась в лес и шлялась там до ужина в поисках грибов, ягод и красивых веточек, в резуль-

тате чего появилась весьма дурацкая, на мой взгляд, инсталляция, которая, впрочем, вожатой понравилась.

Итак, дни в лагере проходили для меня томительно долго и скучно, а вечера – весело. Случалось, в мастерскую к Сандре заходил с инспекцией Драконов, и тут отсутствие электрического света и разумная конспирация помогали придать посиделкам пристойный вид чаепитий, тем более вино мы пили из чашек и кружек. Иногда, в хорошую погоду, избранный круг, отойдя подальше от лагерной ограды, располагался вокруг костра, где поджаривались на прутьях унесенные из кухни ломти хлеба и, если везло, сардельки или сосиски, все это запивалось вином и запевалось душевными песнями. Я очень гордилась, что вошла в круг избранных. Сонька, разумеется, к избранным не относилась.

– Что вы там делаете? – спрашивала Сонька, а я помалкивала, только туману напускала. Отвечала за меня Михална:
– Живут богемной жизнью.

Не для Соньки говорила, это мне она объявляла о том, что мои похождения ей известны. А Сонькины глаза загорались жгучим любопытством. Она пробовала вызнать хоть что-нибудь про Сандру и К, но я информации не давала. Когда Сонька сказала, будто Сандра некрасивая, я возмутилась и разразилась гневной тирадой, клеймила мещанские представления о красоте и красивых идиотках, у которых в голове опилки, а закончила тем, что Сандра – художница, и внешность ее соответствует профессии. Она, как и ее волни-

сто-волокнистая прическа, кожаные брюки, модные блузы и экстравагантные фенечки из бисера, керамики и кожи, выглядит стильно. Я действительно так считала. На мой взгляд, внешность Садры была значительнее и интереснее, чем слащаво-миленькие образцы Барби – кумиры Соньки.

Меж тем по лагерю пронесся слух, что я на ночь рассказываю своим малькам что-то интересное, и Михална пришла с проверкой. Я как раз была у мальчишек и повествовала о самой драматичной истории из Тауантинсуйу – смерти последнего Инки.

Смерть Атауальпы

Испанец Франсиско Писарро, незаконнорожденный сын прачки и дворянина, начал с того, что пас свиней, потом служил солдатом, заработал офицерский чин, а позже с горсткой сподвижников отправился завоевывать новые земли, о богатстве которых ходили легенды. Был он неграмотен, но чрезвычайно предприимчив, смел и ради своих целей готов на все. Две экспедиции в Южную Америку закончились неудачей, а оставленные там испанские послы-разведчики были принесены инками в жертву своему богу. И случилось это все как раз в тот год, когда началась гражданская война между правнуками великого Пачакути.

Уаскар, законный наследник, жил в Куско, и после смерти отца объявил себя Сапа Инкой. Атауальпа был сыном наложницы, дочери вождя покоренного народа, и жил на севере империи, в Киту. Отец сводных братьев, Уайна Капак, был храбрым воином, но любовь к наложнице и их общему сыну помutilи его мозги, он завещал разделить империю: Уаскару оставить юг с центром в Куско, Атауальпе отдать север с милым его сердцу Киту, где сам он, надо отметить, и проживал перед кончиной.

Братьям завещание не понравилось, каждый хотел править единолично. И пошли они друг на друга войной. Уаскар был разгромлен и взят в плен, а в Куско началась крова-

вая бойня. Истребляли весь род Уаскара: братьев, жену, наложниц и детей, а нерожденных вырывали из чрева матерей. Убивали всех его сторонников, столичную аристократию, а также ученых и историков, которые могли оставить память о ненавистном Уаскаре. Их четвертовали, вешали, душили, резали, живыми закапывали в землю, сажали на кол, протыкали копьем. Заодно казнили и простых жителей селений, бывших под властью Уаскара. Плененный Инка Уаскар сидел, привязанный к креслу, и смотрел на все это безумство. Атауальпа меж тем пребывал на родном севере, близ Кахамарки, отдыхал от ратных дел на минеральных источниках. Теперь он остался главным сыном Солнца, Сапа Инкой, и собирался править империей из новой столицы – Киту. Но продлилось это недолго.

Писарро опять высадился в Перу и отправил к Атауальпе послов с дружеским предложением встретиться на главной площади Кахамарки. Инка принял предложение, и вот уже процессия в шесть тысяч человек двинулась к месту встречи. Но там никого не оказалось.

Площадь Кахамарки была треугольной, ее замыкали низкие строения, люди Инки заполнили ее всю. А Писарро так и не появился. Зато вышел священник в белом облачении с молитвенником и крестом, стал говорить непонятные речи и протянул Инке молитвенник, который тот с негодованием отшвырнул. И тут грянул пушечный залп. Это был сигнал. Из строений на площади повыскакивали прятавшиеся

там конкистадоры, и началась кровавая мясорубка. Писарро хотел взять Атауальпу живым, он пробился к нему, схватил за волосы и стащил с носилок. В это время инки в паническом ужасе пытались бежать от бешеных всадников, взрывов пушек и мушкетов, плюющих смертельным огнем. Инки были разгромлены, площадь завалена убитыми и ранеными, среди испанцев потерь не было.

Как сто восемьдесят конкистадоров, имевших две пушки, могли справиться с шестью тысячами инков? Вот так и справились. Говорят, сработал эффект неожиданности, огнестрельное оружие и всадники: инки в глаза не видели ни оружия, изрыгающего огонь, ни лошадей.

Атауальпа предложил за свою жизнь выкуп. Он обещал наполнить темницу, куда его заключили, золотом на высоту поднятой руки, а серебра дать вдвое больше. И потянулись в Кахамарку караваны лам с золотом и серебром. Но Писарро уговор нарушил.

На ту же площадь, где был пленен Атауальпа, его вывели в цепях и зачитали приговор. Он должен был принять смерть на костре за идолопоклонство и многоженство. Однако Инке обещали поблажку: если он примет крещение, то его не сожгут на костре, а задушат. Атауальпа согласился. Никто не упрекнул его в малодушии, просто у инков для загробной жизни требовалась сохранность тела. Так Атауальпа стал христианином, и совершили над ним заупокойную службу. Но какой же ужас объял присутствующих, когда во время

обряда наложницы здесь же, на площади, у тела Инки, стали кончать жизнь самоубийством, чтобы сопутствовать ему в загробной жизни.

Так погиб Атауальпа, так погибла великая держава инков. Это случилось в 1533-м году.

Мы любим буги-вуги

Историю смерти Атауальпы и гибель его империи я рассказывала два вечера. Михална осталась довольна, только просила не упоминать о незаконнорожденных и о детях, которых вырывают у матерей из чрева, а также о прочих казнях. Она даже отпустила Соньку послушать меня для повышения ее квалификации. Разумеется, Сонька ничего перенять не смогла, поскольку я являлась единственной и неповторимой в своем роде инкской сказительницей. Потом послушать «про индейцев» безуспешно просились ребята из третьего отряда, они вообразили, что я пересказываю вестерны. Кто-то утверждал, что я повествую о каком-то выдуманном народе, который пишет друг другу письма, заплетая косички из ниток и завязывая на них узелки, что-то вроде макраме.

Так получилось, что на посиделках у Сандры я тоже стала рассказывать об инках. Но там интересовались не сказками и не историей, а человеческими жертвоприношениями, сексом, наркотиками и всяким подобным.

Человеческие жертвоприношения существовали, что скрывать, хотя Гарсиласо, столь уважаемый мною, не хотел в этом признаваться. Но что было, то было, хотя надо инкам отдать должное, по сравнению с майя или ацтеками, они были менее свирепы и кровожадны. Они приносили в жертву

питье и еду, коку и золото, главный же объект – ламы. И, будучи людьми практичными, лам выбирали «нерожалых», то есть старых, после обряда их сжигали, а иногда употребляли в пищу. Ну а если какое торжество по высшему разряду, тогда, конечно, никакая экономия не соблюдалась, сплошное расточительство.

Людей приносили в жертву Виракоче в особых случаях, на коронации, например. Этот обряд стоил жизни двумстам детям. Собирали по всей империи самых лучших, красивых, с чистой кожей без изъяна, без единой родинки, одурманивали кокой, а потом душили.

Из алкоголя я знала только чичу, пиво из разных сортов кукурузы. Гарсиласо писал, что пьянство у инков считалось большим пороком, однако знатные и богатые в праздники, а бывало, и вечерами, когда спадала дневная жара, с удовольствием предавались этому пороку. Фил пил чичу, ее готовят в любой деревне, а чтобы знать, куда обращаться, возле дома, где ее продают, ставят палку с намотанным полиэтиленовым пакетом или тряпкой. Сейчас, конечно, для изготовления чичи кукурузу не жуют. Фил сказал, когда хочется пить, выпьешь и чичу, но он предпочитает кавказскую чачу.

То, что я знаю о коке, почерпнуто от Гарсиласо. Кока – листья кустарника, из которого добывают кокаин. Инки терли листья в порошок и смешивали с известью для скорейшего наступления результата. Литья коки очень ценили, их разрешалось употреблять только семье Сапа Инки, высшей знати

и шаманам. Также применяли коку как лекарство и анестезию, а из простых людей коку получали солдаты для возбуждения воинского духа, и часки – гонцы, чтобы бежали быстрее. Если чича у инков была ритуальным напитком, то кока – священным растением.

Фил ничего такого не рассказывал о коке, хотя мы хотели знать, пробовал ли он ее. Сказал, что поскольку Перу высокогорная страна, там из-за нехватки кислорода люди страдают горной болезнью – сороче, а кока ее облегчает. Вот поэтому в Перу продаются листья коки и специальный кокковый чай, который можно получить в любой гостинице. «Ну и как?» – спросили мы у Фила. «Бодрит», – ответил он.

Я думаю, что все это не настоящая кока, а вроде нашего кофейного напитка или декофеинизированного кофе. А вообще-то на некоторые вопросы Фил прямо не отвечал, а отшучивался.

С сексом у инков вообще непруха. У Сапа Инки была уйма наложниц. Сколько их было, к примеру, у Пачакути, неизвестно, но детей насчитали сто пятьдесят. А считать, как известно, инки умели. Однако что положено Зевсу, не положено быку. Простым смертным закон определял одну жену, которой следовало хранить верность. И хранили, потому что прелюбодеяние каралось смертной казнью. Даже жене Инки, первой женщине государства, измена могла стоить жизни. Но любовь была, отменить ее никто не мог. И первое подтверждение тому – история об Ольянтае, который влюбился

в Куси Койлюр – Смеющуюся Звезду.

У Гарсиласо я прочла легенду, связанную с происхождением коки. В давние времена жена Инки оказалась любвеобильна, и ничем хорошим это не кончилась. Ее убили, расчленили, а части тела разбросали. Из них будто бы и выросла кока.

* * *

На занятие рукодельного кружка Сандра пригласила завхоза Петровича, который раньше служил во флоте и умел вязать морские узлы. Освоив эту премудрость, кружковцы стали изготавливать кипу. Это рукотворчество всем понравилось, теперь кипу можно было увидеть даже в пионерской комнате и в кухне, где оно висело на оконном проеме, как защита от мух. Во время похода в лес четвертый отряд пытался собрать птичьи перья, чтобы сделать индейские головные уборы, но перья найдены не были, а потому Сандра добыла их в поселке, на птицеферме, и кружок упоенно рисовал на них темперой полоски и крапинки.

Приближался родительский день, и было решено поставить если не целый спектакль, то хотя бы сценки из жизни инков. Я честно пыталась сочинить что-нибудь пригодное, но не получилось. Тогда наша драмкружковка Марина придумала поставить массовый танец инков, а Сандра занялась костюмами. От меня требовалось рассказать об инкской

одежде.

Нет ничего проще – белый прямоугольник ткани сложить пополам, прорезать дырку для головы и сшить бока, оставив проемы для рук. Рубашка должна быть чуть выше колен. На голове повязка, украшенная султанчиком из двух-трех перьев, бахромой и кисточками. Если придерживаться правды жизни, то красная бахрома являлась принадлежностью вождей. Но это уже тонкости. Парадные плащи предполагали полосы геометрических узоров, вписанных в квадраты. Бывали у инков и плащи из шкурок летучих мышей. Или не бывали? Возможно, мне это приснилось.

Все приготовления велись втайне, чтобы номер был сюрпризом. У завхоза забрали списанные простыни, их оказалось столько, что можно было бы нарядить весь лагерь приведениями. Когда я увидела костюмы, сшитые кружковцами, то остолбенела. Вообще-то они были очень красивыми, но росписи на рубахах скорее походили на полосы иероглифов с египетских пирамид, чем на орнаменты инков, а головные уборы – на кокошники из перьев, украшенные бусинами и елочной мишурой.

– А куда, скажи пожалуйста, деть такое количество классных перьев? – разрешила мое недоумение Сандра. – К тому же этнографическая точность не всегда соответствует театральной зрелищности.

Но если при изготовлении костюмов меня все-таки приглашали как консультанта, то на репетиции не допускали, а

там было шумно и весело. Марина, студентка театрального, в круг Сандры не входила только потому, что жила не в лагере, а на даче родителей. Дача была недалеко, и каждое утро Марину привозил на работу муж, а вечером – забирал. У них был медовый месяц, который продолжался уже полгода.

И вот наступил родительский день. Было много всякой суеты: встреча родителей и тут же торжественная линейка, выступление начальника лагеря, потом небольшой перерыв, когда дети наконец-то попали в родительские объятия, а уж затем концерт. Мальки моего отряда сыграли сценку из «Кошкиного дома» Маршака, была спета песня, рассказан стих, а затем ведущий объявил:

– А сейчас ребята четвертого и второго отряда исполняют танец индейцев южной Африки.

– Америки! – выкрикнула я со своего места, но в это время уже врубили магнитофон, на сцену выскочили ребята из четвертого отряда и пошли цепочкой, «гусьями», под музыку бит-квартета «Секрет».

В далекой бухте Тимбукту
Есть дом у Сары Барабу...

Магнитофон орал, а дети в свободных рубашках, расписанных полосами иероглифов, в коронах из перьев, выполняли какие-то ритмические движения, похожие на гимнастику, и восторженно голосили:

Сара Барабу, Сара Барабу,
У нее корова Му!

Я обалдела, все обалдели на минуту, и тут же зал начал хлопать, топать в такт музыке и самозабвенно вопить: «У нее корова Му-у-у!» А потом четвертый отряд ретировался, и без всякого перерыва на сцену ворвались и закружили попарно второотрядники в таких же свободных коротких рубахах и перьях, довольно крупные ребяташки, двое – настоящие бугаи.

Субботный вечер. И вот опять
Я собираюсь пойти потанцевать.
Я надеваю штилеты и галстук – шнурок,
Я запираю свою дверь на висячий замок.
На улице стоит ужасная жара,
Но я буду танцевать буги-вуги до утра.

И тут же зал уже в полном экстазе ревет:

Я люблю буги-вуги
Я люблю буги-вуги!

Такая веселуха пошла! Инки на сцене отрывались, как могли. И я со всеми:

Мы любим буги-вуги,
Мы любим буги-вуги,

А-А-А

Мы танцуем буги-вуги каждый день!

А-А-А

Буги-вуги каждый день!

Как им хлопали, как не отпускали! В конце концов обе группы, и младшая, и старшая, под «буги-вуги» изображали на сцене черт-те что. После индейских танцев концерт пошел комом, никто уже не хотел слушать стихотворную преснятину. Драконову пришлось не раз прикрикнуть, чтобы восстановить в зале относительную тишину.

Хорошо и радостно прошел этот день, без всяких происшествий, и никто из мальков не рыдал, провожая предков. А когда мы уложили их спать, я выдала очередной индейский рассказ о том, как один Сапа Инка изготовил золотую цепь, которая опоясывала главную площадь в Куско, и ее с трудом удерживали двести здоровенных мужиков. Это и сегодня самая большая цепь в мире – двести пятьдесят метров. Книга рекордов Гиннеса! Только, наверное, постигла ее та же судьба, что и Золотой сад.

Меня спросили, действительно, ли существует спрятанное золото инков? И я, как главный эксперт в этом вопросе, ответила – да! Известно, что наследник Атауальпы, явился к высшему испанскому начальству с кубком кукурузных зерен. Он вытащил из кубка одно зерно и сказал: «Это золото, которое вы забрали». Потом он высыпал все, что было в кубке, и объявил: «А это то, что осталось у нас». Он пред-

ложил отдать испанцам все золото инков, если они уберутся к чертям собачьим с инкской земли. Испанцы отказались от предложения. А если бы не отказались, все равно обманули бы инков.

А золото инков искали со времен завоевания вплоть до наших дней, осушали озера, надеясь найти его на дне, искали вход в подземные кладовые. Массу былей и небылиц рассказывают об этом. Многие верят, что какая-то высокоцивилизованная раса, жившая на Земле в то время, когда индейцы пребывали в полупервобытном состоянии, пронизала под землей всю Южную Америку сетью туннелей, которые, в конце концов, достались инкам.

Я собиралась в мастерскую к Сандре, но меня не отпускали, никто не хотел спать, всех волновали поиски сокровищ. Но тут за мной прибежал инка из второго отряда и выпалил: «Вас вызывает Драконов». Конечно, он не знал, зачем меня вызывают, но, видимо, почувствовал, что не за похвальной грамотой.

Я поднималась по лестнице Донжона второй раз. Первый – при поступлении на работу, и вот сейчас. «Разбор полетов» уже закончился. В башне, кроме Драконова, находилась только Марина, вид у нее был подавленный.

– Вот и второе действующее лицо, – сказал Драконов нехорошим голосом. – А теперь объясните, кому пришло в голову сотворить это порнографическое чудо?

– Почему вы называете это порнографией? – жалобно

спросила Марина.

– А как назвать похабное действие, когда парни четырнадцати лет танцуют канкан без штанов.

– Это исторические костюмы, – вступила я, – и не канкан, а рок-н-ролл.

– Вы знаете, что на концерте были представители горono? Ваша сегодняшняя выходка вам дорого обойдется. И что это вы, Елизавета Сергеевна, придумали рассказывать ребятам какие-то бредни перед сном? Что это за растлительные сказки о казнях и жестокостях?

Слово «растлительные» меня испугало и отрезвило.

– Это не сказки, это история инков, народа Южной Америки. Мне сейчас написать заявление об уходе?

Голос дрожал, я боялась заплакать, а потому, не дождав-шись ответа, вылетела из кабинета, а уже на лестнице него-дующе прошептала:

– Я не позволю говорить со мной таким тоном.

Тут выбежала и Марина, сообщила, что Драконов обещал нас уволить с записью в трудовой книжке о проступке, несовместимом с работой в детских учреждениях.

– А я и не собираюсь работать в детских учреждениях, – сказала я.

Марина тоже не собиралась. Она боялась, что Драконов сообщит о ее деятельности в институт. А я этого не боялась, я уже написала заявление о переводе на заочное. Но униже-ние было тяжело пережить.

Мы отправились к Сандре, и она произнесла пламенную речь, грозила Драконову судом, обещала пойти в гороно, написать в газету, что он говнюк и душитель всего светлого и перестроечного, он может только солдатами командовать и не пригоден для работы с детьми. Она открыла бутылку «каберне» и, в общем, утешила нас, а, точнее, меня, потому что за Мариной приехал муж и повез ее утешать на дачу.

Я смирилась с тем, что работа в пионерлагере закончена и внезапно почувствовала облегчение, но прошел день, два, а меня так и не вызвали в Донжон. Драконова видела только однажды, не глядя в глаза, поздоровалась. Михална, наверное, тоже получила от Драконова втык, велела перестать рассказывать сказки об инках, перейти к русским народным. А увольнять нас с Мариной не будут, сообщила она, потому что работать в лагере некому. Я даже почувствовала разочарование, потому что свыклась с мыслью, что лагерь для меня остался в прошлом.

Пожелай нам доброго пути!

Жизнь продолжилась, будто никакого конфликта и не было. Совместно с Сандрой мы сварганили классный букет для заведующей столовой. Идею Сандра оценила, правда, я не сказала, что подсмотрела ее в рисунках детской книжки. Букет помещался в старом, полураскрытом зонте, перехваченном посередине атласной лентой с пышным бантом. Для букета мне разрешили нарезать розы и садовую ромашку на клумбах лагеря. Зонтик Сандра обрызгала серебрянкой. Мы были довольны, зато виновнице торжества авангардный букет не сильно понравился. Она опасливо взяла зонтик за ручку и не знала, куда деть, пока его не забрали у нее. Где потом оказался букет, не знаю, наверное, там, где в конечном счете оказываются все букеты – в помойной яме.

Сандра в тот вечер разразилась тирадой о создании мимолетной красоты, которая ничем не отличается от вечной, потому что красота есть красота, а вечного ничего не существует, зато процесс творчества мимолетного и вечного одинаково прекрасен, и т. д. В общем, не помню, какие доказательства единства вечного и быстропроходящего она приводила, потому что в тот вечер мы хорошо набухались.

Мой отряд перед сном нынче слушал чтение «Острова сокровищ». А однажды утром, когда я заплетала косы Кате Моториной, девочка внезапно обернулась, обняла меня за шею

и сказала в ухо: «Я хочу, чтобы вы были моей мамой».

Елки-палки! Я офонарела, не нашлась, что ответить, не обняла ее в ответ, даже не погладила по голове.

Да что же это! И зачем мне оно? Теперь удочерить ее надо, что ли?

Приезжал ли к Кате кто-нибудь на родительский день? Может, у нее матери нет или мать – алкоголичка? Бросилась к Соньке, та говорит: приезжала мать, вроде, нормальная. Тогда что за дела такие?! А может, у нее мать вроде моей, не называет ее «солнышко» и «моя радость»? Так и я этим не отличаюсь, это у Соньки все «зайчики» и «птенчики».

Я понимала, что неправильно отреагировала на Катькин порыв. Сонька бы схватила девчонку в объятия, зацеловала бы, затискала, утешила, и та была бы счастлива. Но я так не умею. Я считала, что буду воспитывать своего ребенка в ласке, буду с ним нянчиться-тетешкаться, говорить нежные слова, чтобы у него не было комплексов, чтобы он знал, что его любят. То есть иначе, чем меня воспитывали. Но своего ребенка, а не чужого! И не сейчас, потому что сейчас мне с детьми тетешкаться нет охоты.

Катя избегала моего взгляда, а когда я на нее не смотрела, следила за мной несмелым взглядом. Эта неловкая ситуация не давала мне покоя, и я сказала Сандре, что не люблю детей, и что она об этом думает. Мне показалось, что признание как-то грубо получилось, так что я попыталась сгладить впечатление.

– То есть чужих не люблю, а своих... пока не знаю.

– Чушь, – сказала Сандра. – Ты считаешь, что хорошим людям непременно положено любить детей? Совсем не обязательно. Так что успокойся. А если ты хоть кого-нибудь или что-нибудь любишь, все путем. Ты кого-нибудь любишь? Кроме мамы, конечно...

И тут меня прорвало. Я пела долгую и страстную песню о своей несчастной любви к Филу. Было легко: Сандра меня не прерывала, она даже не смотрела в мою сторону, а продолжала писать таблички для «игры по станциям». Когда же я закончила, повернулась ко мне и сказала:

– Все это дохлый номер. Не понимаешь ты, что ли?

– Понимаю. Но что же мне делать?

– Вообще-то считается, что клин вышибают клином. Но тебе для начала надо приобрести хоть какой-то сексуальный опыт.

– По сравнению с Филом все уроды и слизняки безмозглые.

– О господи! С кем я говорю! При чем здесь Фил? Забудь о Филе! Твоя любовь похожа на чесотку, чем больше чешешь, тем больше чешется. И тебе это нравится. Тогда чешись и не жалуйся.

Сказала, как отрезала. Сандра была старше меня на семь лет, а опытом на все сто. Конечно, она говорила правильно, но я считала: пусть все случится само. А ничего не случилось.

Физрук лагеря, молодой накачанный парень, тоже из числа избранных, был сильный, красивый, и ему, это чувствовалось, энергию некуда было девать. Иногда по ночам он выпускал ее – носился вокруг лагеря и возвращается мокрый, остро пахнувший потом. Я сталкивалась с ним после того, как он гонял в футбол с мальчишками, и этот звериный, пряный запах вызывал у меня брезгливость и возбуждение.

Физрук ко мне постоянно подкатывал, говорил комплименты, намекал, зазывал к себе и предлагал погулять в лесу. То приобнимет, то прижмется, будто в шутку. Но я сохраняла верность фантому. А ведь физрук мне, пожалуй, нравился, причем как-то по-простому, меня к нему физически тянуло. В общем, любовь земная не перебила любовь небесную. Правда, потом, в конце смены я узнала, что все это время физрук спал с Сандрой, кикиморой, похожей на высокого блондина в желтом ботинке. Может, это и нормально, но меня их связь почему-то оскорбила, будто было в ней что-то животнo-грязное, и художница меня предала и покусилась на что-то, мне принадлежащее.

После третьей смены, когда мы отправляли в город автобусы с детьми, я умудрилась ни с ней, ни с Катей Моториной не попрощаться. Сандра уезжала с рюкзаками и сумками, меховым ковром, мольбертом, красками, полотнами на подрамниках, загрузив добрую половину автобуса своим багажом. А я и еще человек десять персонала оставались, чтобы привести лагерь в порядок после их отъезда. Лагерь огла-

шала прощальная песня:

До свиданья, мама, не горюй, не грусти,
Пожелай нам доброго пути!

Уже детей рассаживали по автобусам, когда я сбежала за территорию, в лес. Я видела, как вереница автобусов аккуратно выехала на грунтовку и медленно продвигается к шоссе. Лежала на сухой хвойной подстилке и думала, какая же я несчастная.

Вернулась часа через два и заперлась в своей комнате. Теперь я осталась в ней одна, Михална и Сонька уехали в город. Потом мне сказали, что Катя до последнего момента не хотела садиться в автобус, ждала меня, и передали от нее пакетик, в котором была перламутровая сережка. Вторую я давно потеряла, а эта завалилась у меня в косметичке, и как-то раз, это было в начале смены, в каком-то импровизированном конкурсе, который выиграла Катя, я наградила ее сережкой. Помню, что это вызвало зависть других девчонок, а Катя сказала, что повесит ее на цепочку и будет носить.

В общем, я ощущала себя последней сволочью. Разнесчастной сволочью. Хотелось плакать. А мудрый Ларошфуко между тем говорил: человек никогда не бывает так счастлив или так несчастлив, как это кажется ему самому.

Гипатия и сражение при Гренгаме

Я перешла на заочное отделение и дожидалась, пока в библиотеке освободится место, женщина на абонементе ушла в декретный отпуск. Неожиданно добыла книжку Филадельфия, это было пособие по старо-испанскому языку, не толстое, в мягкой обложке. Читать бессмысленно, я и не пыталась, книжка была сувениром, я твердо решила ее зажилить.

Осень была томительно скучной, и не случилось ничего веселого, кроме того, что папа римский наконец признал, что Галилей был все-таки прав. А еще произошло нечто важное как раз в тот день, когда пала Берлинская стена. Я имею в виду лекцию Филадельфия в Географическом обществе, о стене я узнала позже.

В тот день я зашла в главный корпус института, в отдел кадров за справкой, и увидела объявление о лекции. Кинулась домой, чтобы навести красоту, насколько возможно, и прихватить пособие по староиспанскому.

На улице дождь. Мрачное здание серого гранита, красивые витражи и портреты великих географов на лестнице. Я увидела Филадельфия, когда он поднимался в окружении студентов и каких-то разновозрастных умников. Я смотрела на него сверху, он приближался, словно возносился, и я испытала что-то вроде священного ужаса. Он показался мне небожителем. Я забыла, каков он, а он был прекрасен. У меня но-

ги ослабли, и я чуть не сползла по стеночке на ступеньки. Я не поздоровалась, но он все равно меня не заметил, и в зале села так, чтобы не попасться ему на глаза. Пришли две девочки с моего бывшего дневного курса. Разумеется, мысль попросить у Фила автограф на пособии по староиспанскому была неуместна и отпала сама собой. Я никогда к нему не подойду.

А дальше все происходило, словно во сне. Фил рассказывал что-то общее об инках, Перу и Куско, а также о походе маленькой международной экспедиции – семь человек вместе с Филом – по Священной долине инков, где они обследовали всякие археологические развалины. А на закуску, как говорится, показал фильм о таинственном городе Мачу-Пикчу.

Погасили свет, зажурчал кинопроектор. И, словно в детстве, я попала в мир приключений. Древний город Мачу-Пикчу высился на горе над облаками, а в прорехи облаков были видны дороги, огибающие вершины, клочки земли, покрытые растительностью, и далеко-далеко внизу змеилась бурная, белая от пены Урубамба.

Город расположен на немыслимой высоте, на утесе, зажатом меж двух гор, над долиной своенравной реки. Кто, когда и зачем построил его в таком труднодоступном месте и как он назывался при инках, никто не знает. Кто жил в этом городе и почему он был покинут, тоже неизвестно. Город красив и уникален своей сохранностью, конкистадоры до него не до-

брались, не тронули, не разграбили. Опустевший по неведомым причинам, он был взят в объятья джунглями и пребывал в неизвестности до начала двадцатого века, пока его не открыл американский археолог-самоучка Бингем. Он искал другой затерянный и так и не найденный город Вилькабамбу, где инки якобы спрятали свое золото от конкистадоров. Бингем не нашел этот город и золото, зато открыл Мачу-Пикчу.

Фильм шел под тихую музыку, которая не мешала комментариям, она даже дополняла то, что мы видели, потому что была задумчивая, отрешенная, как природа Перу, как плывущие по небу облака и лежащие среди гор долины и селения. И я узнала эту музыку, я слушала ее в новогоднюю ночь, стоя под чужим окном. Это была моя музыка.

Главный герой фильма – город. Его называли именем горы, на которой он притулился: Мачу-Пикчу – Старая гора. На семи квадратных километрах две сотни каменных построек: храмы, дома, склады, фонтаны. Пустые коробки домов. Соломённые крыши сгнили за пять столетий, а каменная основа цела. Знаменитая мегалитическая архитектура. Наклонным внутрь стенам, трапециевидным дверям и окнам не страшны никакие землетрясения. Храм Трёх Окон и Храм Солнца. Каменный астрономический инструмент – интиуатана, что в переводе означает – «место, где привязано солнце». Здесь в дни зимних и летних солнцестояний «ловили» солнце и совершали ритуалы. Вьются прихотливые улочки и часто заводят в тупик, все строения на разной высоте и со-

единены сотнями проходов и лестниц. А вокруг, укрепленные каменными подпорными стенками, яруса зеленых бархатных террас, где раньше росли кукуруза и картошка, а сейчас пасутся одинокие ламы.

Я видела фотографии Мачу-Пикчу, но именно ожившие картинки меня потрясли. Фильм снимал кто-то из товарищей Фила, поэтому мы могли его видеть. Фил стоял и смотрел на всю эту неописуемую красоту. Должно быть, он чувствовал себя Богом, такой у него победительный вид, он чувствовал себя Виракочей, и фигура его, и лицо ясно говорили: «Ку! Гранд ку!»

Вместе с Филом мы побывали не только на Старой горе, но и на Молодой горе – Уайна Пикчу, это еще на триста метров ближе к небу, и путь туда опасный. Покатые вершины гор плавают в утреннем тумане, словно рождаются из него. Люди идут друг за другом, цепочкой, впереди почти квадратный, хотя совсем не толстый, проводник – индеец в вязаном розовом берете. Туман одеваает не только горы, но и обрывы, поэтому на большой крутизне натянута веревка. Вот Фил пробирается, прижавшись спиной к горе, тропа невероятно узка, и пройти можно только боком. У меня сердце замирает от ужаса, хотя я знаю, что это было и прошло, Фил благополучно поднялся и спустился с Уайна Пикчу. Но тут снова ужасный эпизод: Фил лезет по отвесной стене по самодельной деревянной лестнице, похожей на корабельный трап, совершенно ненадежной и гнилой на вид. Вот он ползет через

какую-то щель, с трудом протискивается, но хотя бы здесь не надо беспокоиться, что сорвется в бездну. Понемногу туман рассеивается, и вот они на вершине! Внизу горы и распластавшийся по склону индейский город Мачу Пикчу, похожий очертаниями, как утверждают, на кондора. Это другая планета, другой мир.

Мне кажется, я чувствую невероятную высоту и свежесть разряженной атмосферы, которая вызывает эйфорию. Ничего прекраснее и фантастичнее я вообразить не могу, для этого нет слов. Великолепие, пустота, печаль и присутствие Бога. Это выше человеческого понимания.

Я знаю, что живые картинки лишь малая часть того, что видит и ощущает человек там, в горах. Но эти картинки и музыка сильно на меня повлияли. И я плачу, прикрывая щеки руками, чтобы соседи не увидели мокрое лицо, и стараюсь не хлопать носом. И это не те слезы, что в маленьком зальчике «Урана» на фильме об Амазонке. Те слезы были мечтательными, а эти горькими. Конечно, всего этого увижу я никогда не увижу и не почувствую.

А Фил с компанией уже спускаются с гор. Тропу накрывают ветви, и они идут, как в туннеле. Ручеек бежит. В небе парящий сокол. Или коршун? Какой-то дивный кустарник с гроздьями розовых цветов, похожих на сирень. Огромный паук. Селение вдали. Опуния, у нас она домашнее растение, здесь гигантская и растет, как сорняк. Каменистая, ржавая земля. И вдруг – трогательная земляничка на поляне у тро-

пы, такая могла бы расти в нашем лесу.

Все. Фильм окончен.

Зажгли свет. В первые мгновения в зале стояла тишина, потом все оживилось, стали задавать вопросы, какой-то студент спросил:

– А вы верите в то, что этот город построили инки? Тот самый вождь...

– Пачакути, – подсказал Фил.

– Да, Пачакути. Ведь вы говорите, что в Мачу-Пикчу была его резиденция? Когда он успел все это построить? Тут человеческой жизни не хватит.

– Я и не говорю, что город строили инки, – возразил Фил. – Это общепринятая точка зрения.

– А вы в это верите?

– Не верю. Но сразу скажу, в богов и в инопланетян я тоже не верю.

– Тогда кто же все это построил? – спросили из зала.

– Не знаю, и никто не знает, кто воздвиг эти строения, и какими инструментами пользовались строители.

– У вас, наверное, есть какие-то мысли на этот счет?

– Я вам отвечу словами Ходжи Насреддина, героя замечательного писателя Соловьева: «Кувшин моих мыслей показывает дно», – со вздохом сказал Фил. – Из всех возможных версий я бы выбрал одну – мегалиты были созданы задолго до инков неизвестной нам цивилизацией. Возможно, вы заметили, что в постройках Мачу-Пикчу использованы два

типа кладки. Одна из них называется полигональной. Это многотонные до трехсот-четырёхсот тонн многоугольные, до гладкости обработанные блоки, примыкающие друг к другу так плотно, что лезвие ножа не просунуть. Трудно представить, что инки, работавшие каменными молотками и бронзовыми скребками, строили эти фантастические сооружения. Но там же встречается и другая кладка из необработанного, рваного камня, положенного на глиняный раствор. Часто этой кладкой надстроены разрушенные мегалиты. Вторая кладка, я считаю, принадлежит инкам. Но это особая тема для обсуждения.

Тут разговор повернул на пустыню Наска, инопланетян, потом пошла рубка по поводу строителей пирамид и про инков, кажется, забыли. Кончилось все приходом распорядителя, он сказал, что гардеробщица просит забрать одежду, потому что хочет домой.

Фил собрал свои пожитки в кожаный портфель, кто-то подходил к нему пожать руку, в общем, его плотно окружили, но я, как сомнамбула, протиснулась, добралась до него, протянула пособие и попросила автограф.

– Зачем это вам? – Фил взял брошюрку и воззрился на меня с удивлением. – Вы собираетесь заниматься староиспанским?

– Есть такая вероятность, – сказала я и сглотнула слюну.

– На ней же библиотечный штамп, – еще больше удивился Фил.

– Скажу, что потеряла книгу и заплачу.

– В десятикратном размере?

– Ну и пусть.

– Знаете что, сдайте книжку в библиотеку, я вам принесу такую же. – Фил вернул мне пособие. – Сможете завтра подойти к университету, к зданию двенадцати коллегий? Тогда встретимся у входа в четыре. Позвоните мне сегодня вечером, чтобы я не забыл книжку. Запоминайте телефон, это очень просто: первые три цифры год рождения Гипатии Александрийской, женщины-астронома, математика и философа, родом из Греции.

– Древней? – уточнила я.

– Древней. А еще четыре цифры – дата сражения при Гренгаме.

Фила продолжали осаждать, время, отпущенное мне, истекло. Спускалась я в гардероб, что называется, не чуя ног. Летела, порхала, напевая песню маминых студенческих лет про фантастику-романтику, переделав слова:

Гипатия, Гипатия,

Наверно, в этом виновата.

Гипатия, Гипатия,

Зовет, зовет меня куда-то.

За мной пробовала увязаться девчонка с нашего курса, но, узнав, что она собирается идти налево, я пошла направо, к каналу. Погода стояла какая-то необычная, дождь закончил-

ся, ветер утих, а набережная пропахла мокрым раздавленным тополиным листом. Не успела я подумать об этом удивительном запахе, как вспомнила, что забыла в гардеробе мешок с зонтиком, и помчалась обратно.

У входной двери я увидела Фила с двумя седобородыми дядьками. И он меня увидел.

– Конечно, вы и есть та самая растеряшка, которая забыла зонт! – сказал Фил.

Как мило он ко мне обратился, как доброжелательно!

Я закивала головой, влетела в вестибюль, добежала до вешалки, где гардеробщица вручила мне мешок, и направилась к выходу. Я была страшно смущена, что он увидел мою затрапезную куртку, в которой только на дачу ездить. Впрочем, Фила с компанией уже и след простыл. Я повернула к каналу и вдруг заметила его. В плаще, в шляпе с полями, он шел впереди. Какое-то время я следовала за ним, потом окликнула:

– Филипп Александрович!

Оказалось, ему ехать до Техноложки, и проще бы – от Сенной, а можно и вообще пешком дойти, но ему захотелось прогуляться по каналу, он тоже отметил запах тополиного листа. Так вместе мы и пошли к метро. Шли и молчали. И я хотела, чтобы так было вечно. Кажется, и Фил не испытывал неловкости. Но первой заговорила я, потому что понимала, другого случая задать вопросы может и не представится.

– Вы действительно думаете, что Мачу-Пикчу инки толь-

ко достроили, а начал строить кто-то другой?

– Такая мысль напрашивается, – ответил он весело.

– Но кто же эти строители? Кто сделал в пустыне гигантские рисунки?

– Я бы тоже хотел это знать.

– А вы не мечтали найти затерянный город инков? Когда вы вообще стали интересоваться всем этим? Ведь не после прочтения «Маленьких дикарей»?

– Археологией я стал интересоваться после того, как прочел книгу Керама «Боги, гробницы, ученые», но в конце концов выбрал лингвистику. Найти затерянный город или расшифровать древнюю письменность я не рассчитывал. Однако затерянные города до сих пор открывают, и в наше время расшифровали письменность майя. Так что, надеюсь, и узелковое письмо прочтут.

– А вы не пытались его прочесть?

– Я не настолько самоуверен, но кое-какие соображения у меня есть.

– Вы говорили, что в этих узелках не только бухгалтерия...

– Это надо доказать. В кечуа доиспанских времен существовали слова «писать» и «письмо». И вероятнее всего, кипу не единственный вид письменности. Существует предание, будто вся история инков была отображена на золотых табличках, которые стояли в специальном доме. Но испанцы таблички переплавили. На стенах храмов висели полотна с

вытканными узорами – токапу. Ученые считают, что это зашифрованный текст, они вычленили четыреста одинаковых графем – знаков, повторяющихся в разных сочетаниях. Кое-кто даже прочел имя Виракочи и некоторые слова. Только плохо в это верится, думаю, что желаемое было выдано за действительное. Никто до сих пор не умеет читать письмена на тканях. Возможно, токапу надо рассматривать вкупе с кипу. Смешно звучит – вкупе с кипу, да? Вкупе с кипу!

– Наверное, письма писали узелками, а что-то серьезное, вроде истории и литературы, на тканях.

– Очень вероятно. В инкской драме «Ольянтай» гонец дважды доставляет узелковое письмо с важными известиями, то есть можно было передать сообщение с помощью узелков. И таких фактов много. Есть, например, свидетельства, что обращенные в католичество инки являлись к священнику на исповедь с кипу, где были памятки о совершенных грехах. Между прочим, узелковое письмо существовало задолго до инков. Недалеко от Лимы археологи нашли протокипу. Считается, что его изготовили во времена великих египетских пирамид.

– Может, те, кто изготовили древнейшие кипу, и построили циклопические крепости и храмы? Может быть, ответ в инкских письменах? Неужели невозможно их прочесть?

– Надо ориентироваться на одно хорошее изречение: то, что создано одним человеческим умом, не может не быть разгадано другим. С этой точки зрения неразрешимых про-

блем не существует и не может существовать ни в одной из областей науки!

– Это сказал Пуаро? – догадалась я.

Фил посмотрел на меня и засмеялся.

– Нет, не Пуаро, но ваша догадка недалеко от истины. Это сказал человек со светлой головой, с острым изощренным, даже каким-то пронзительным умом. И кстати, насколько мне известно, любящий детективы.

– А вы знаете, пошел дождь, – заметила я.

Мы стояли у входа в метро, причем, кажется мне, стояли долго. Я все еще намеревалась рассказать ему, как в лагере мы делали кипу и исполняли индейские танцы под песни «Секрета», но так и не успела, потому что он глянул на часы и сказал:

– Совсем вас заболтал. Как начну говорить об инкской письменности, не могу остановиться.

– Что вы, я была очень рада вас слушать.

Не надо было упоминать о дожде, может, еще постояли бы возле метро. Вместе с людьми нас уже внесло в вестибюль, потом на платформы, он попрощался и пошел на противоположную, потому что ехать нам в разные стороны. Я исподтишка посмотрела ему вслед, он не оглянулся.

* * *

Вернулась домой в состоянии эйфории. В блокнотике, ку-

да я заносила названия книг, которые нужно прочесть, записала: «Боги, гробницы, ученые».

Не зная, чем заняться, потому что не в силах была унять возбуждение, я сварила кофе и пила его, расхаживая по квартире. И вдруг меня словно ледяной водой окатило. Я забыла имя греческой астрономки, без которой невозможно восстановить телефон Филадельфии!

Спокойно, сказала я себе, нужно предельно сосредоточиться. Имя на букву «Г», на Геранию похоже. Но вряд ли Герания, тогда я бы сразу подумала о цветке и сейчас вспомнила бы об этом. И совсем уж отпадает Германия. А может, имя не на «Г», а на другую букву?

С ужасом осознала, что в голове даже не брезжит ничего, я никогда не вспомню это имя, а значит, не позвоню Филу!

Конечно, можно завтра найти в библиотеке какой-нибудь словарь астрономов или математиков или книжку о древнегреческих ученых, ведь эта тетка была древняя, иначе у нее была бы фамилия, а она просто – Александрийская, потому что в Александрии жила. Кто бы мог знать ее имя?!

Пытаясь вспомнить имя, я пела мамину песню:

Фантастика-романтика,
наверно, в этом виновата.
Антарктика, Атлантика
зовут, зовут ребят куда-то.
Герания, Германия, наверно, в этом виновата...
Бавария, Лемурия, наверно в этом...

Валерия, Калерия, наверно...

Ничего не выпевалось!

Мне хотелось плакать, сидела несчастная-разнесчастливая, пока в голову не пришла простая мысль: взять «Словарь античности» и, если потребуется, перелопатить его от «а» до «я». Начну с «г». Если увижу это имя, тут же узнаю. Странно, что я раньше об этом не подумала, ведь год рождения этой древнегреческой тетки я бы все равно искала в словаре.

Конечно, никакой Герании в словаре не оказалось.

Гермиона... Гестия... Гетера...

Все не то, не те.

А может, она на «ги»? Гирания?

Гирании нет. Есть: *Гигея* – богиня здоровья, *Гидра* – порождение Тифона и Ехидны, *Гидрия* – сосуд...

Гипподамия... Гипсипила...

Значит, не на «г». И я пошла шерстить словарь дальше.

«Д». «Е». «Ж». «З». «И»...

Идол – ну и рожа на рисунке!

Идолино – название бронзовой статуи голого мальчика, найденная в Пезаро, использовали в виде подсвечника.

Имплювий – это не плевательница, а всего лишь бассейн в римском дворе.

Инкунабула – это слово я знаю...

Возможно, Фил пошутил надо мной? Не может такого быть...

И вдруг: *Ипатия (Гипатия) – 370–415 гг. н. э.* – Греческий математик, философ, астроном...»

Какое облегчение, какое счастье!

С Гренгамским сражением трудностей не возникло, дату посмотрела в учебнике истории.

Вот он – телефон Филя!

Я позвонила. Он сказал:

– Спасибо за звонок. Книжку я приготовил. Напомните, пожалуйста, ваше имя.

На другой день я пришла к университету. Заранее. Фил тоже вышел минут на пять раньше. Я думала, он позовет меня хотя бы в вестибюль, а он, оказывается, уже написал автограф, вручил мне книжку и попрощался.

«На добрую память от автора, Лизе Николаевой, девушке, которую в день экзамена по языкознанию укусила оса!» И росчерк.

Вот и все.

Но это было не все. Внезапно он обернулся, протянул мне визитку и сказал, чтобы позвонила, если и в самом деле надумаю заниматься языками, тогда он меня устроит на какие-то продвинутые курсы при публичной библиотеке, их ведет замечательная преподавательница.

То, что имя мое забыл, это понятно. Забыл и то, что телефон его знаю, потому что накануне звонила. Но в лицо меня знает и об осе помнит!

А зачем мне языки изучать, если не он их преподает?

Инкский Дед Мороз

Заочники в нашем институте, в основном, были областными женщинами не первой свежести, действующими учителями младших классов или даже языка и литературы, но без высшего образования. А тем, кто с дипломом, платят больше.

За месяц сессии мы сдали кое-какие зачеты и один экзамен. Для городских вывесили расписание консультационных дней, и можно было договориться с преподами и в эти дни сдавать экзамены, чтобы разгрузить весеннюю сессию.

В библиотеке, где я работала, подруг у меня не завелось, тем более все, кто там работал, были значительно старше меня. С прошлогодними однокурсницами тоже связи порвались, однако Наташка уговорила встречать Новый год у нее на даче. Коллектив подобрался исключительно девчачий, в программе: нарядить елку в лесу, водить вокруг нее хороводы и пить шампанское. Звучит красиво, но я на этой даче бывала, до леса идти далеко, так что хороводы пришлось бы водить на шести сотках в садоводстве. Вокруг соседи, они либо следят за хороводами, либо присоединяются. К тому же на улице развезло: с неба мокрый снего-дождь, под ногами снего-каша, изрядно приправленная солью. За городом, конечно, не до такой степени расхлябано, но все равно прыгать в вязком снегу сомнительное удовольствие. И вообще они мне

чужие, и разговоры их курсовые мне не интересны. Танька встречает Новый год со своим парнем и институтскими ребятами. Оставались мама с Викентием. Вот до чего я дожила! В общем, пришлось смириться с сокурсницами и дачей. Перед электричкой я должна была заехать на Московский, мама обещала дать какие-то домашние закрутки, а бутылку шампанского я давно запасла.

Половину дня моталась по квартире, смотрела телевизор, зашивала свитер, искала лыжные штаны на байке, и вдруг поняла: категорически не хочу на дачу. Позвонила девчонкам, что не приду, потом маме, что приду. Она сказала: «Очень хорошо». Но радости в голосе я не почувствовала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.